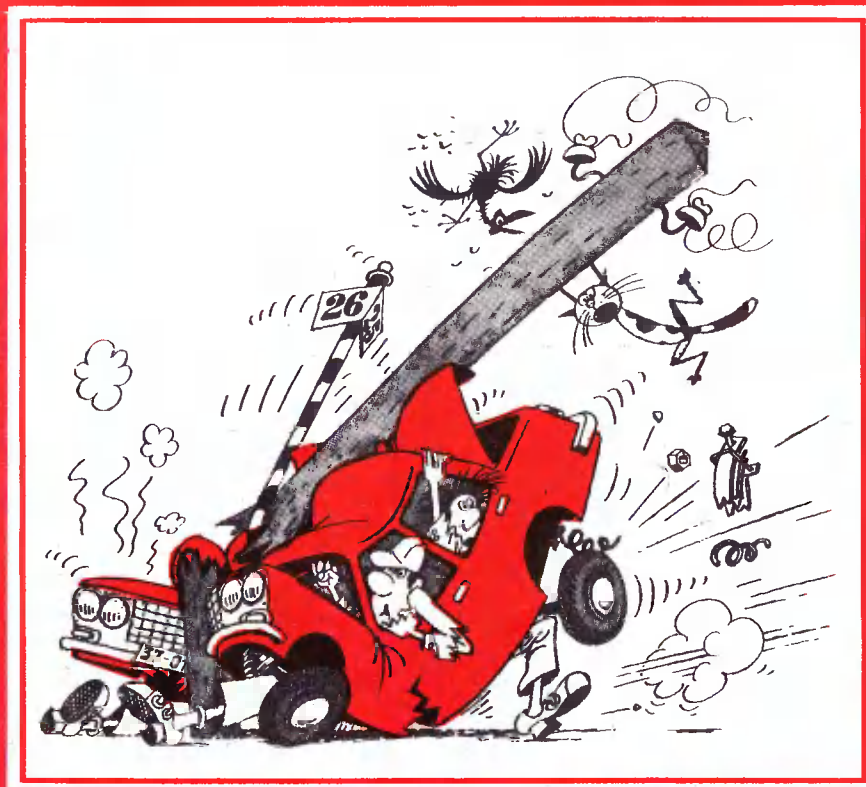

Цена 20 коп.
Индекс 72996

№ 5
ISSN 0132—2141

Андрей МОЛЧАНОВ НОЧНАЯ ТРЕВОГА

Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА

Предпочитаю писать о том, о чем все знают, но не все задумываются. Иногда, пытаясь создать портрет персонажа, получаю карикатуру, причем она и есть самый верный портрет. «Серьезную» прозу никогда не отделяю от юмора — да и возможно ли, описывая жизнь, пренебречь тем, без чего она немислима?..

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

№ 5

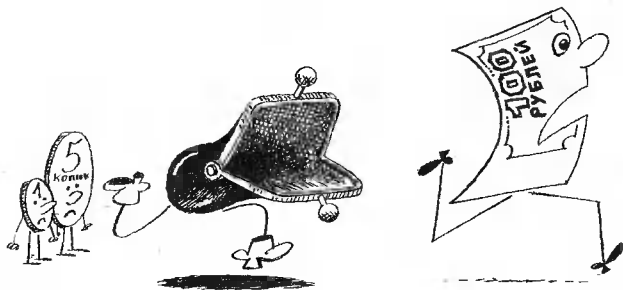
(1041)

Андрей МОЛЧАНОВ

НОЧНАЯ ТРЕВОГА

Рисунки Г. ОГОРОДНИКОВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК КПСС
«ПРАВДА»
1988

ИЗ ЖИЗНИ ДЕЛОВОГО ЧЕЛОВЕКА ИГОРЯ ЕГОРОВА

Фрагменты социальной эволюции

ЯНВАРЬ 198...г.

Нужны деньги. Много денег. Понимаю это сегодня, в знаменательный день своего двадцатипятилетия, как истину истин и задачу задач. Хватит! Жить с родителями и на зарплату — извините! Но с чего начать? Брать билет и отправляться в неосвоенные районы Дальнего Востока и Сибири? Нет, я — патриот своего города-героя и вообще цивилизации. Итак, ясно одно: надо оставлять одну работу и искать другую. Сегодняшнее место службы в принципе ничего: тружусь в КБ, в лаборатории, проектирующей запоминающие устройства, то есть магнитофоны. Но, конечно, не те — для «Иес, сэр, ай кэн бути-вугги» и монологов комиков, а для записи цифровой информации. Тружусь как инженер. Начальник у нас демократ, коллектив дружный. Но!.. Бесперспективность. Папаня мой праведный выдал по этому поводу: пиши диссертацию. Ну да, совет слепого дальтонику. Во всем КБ — а это пятьсот человек — только семь кандидатов и один доктор. Доктор — директор. Остальные тоже шишки. Нет, безусловно, это можно: поставить себе цель стать шишкой, напялить шоры — и вперед сквозь грозы и препоны к исполнению престижного желания. Но мне такое дело не по душе, хотя ничего не имею против целеустремленности, но считаю, все должно быть естественно. Без фанатизма и потуг. Короче, в настоящий момент я хотел интересной работы. Но где ее искать, не знал. И пошел в ванную.

Долго стоял под теплым душем, балдея. И думая: на ударных стройках с таким удобством, кажется, напряженно.

Подумав еще, напялил на себя теплые шерстяные кальсоны, и это был грамотный поступок — зима прямо озверела: ртуть в градуснике за окном ежилась в районе цифры 40.

Пошел в гараж. Сегодня там у меня деловое свидание. Я вообще-то подрабатываю частными авторемонтами. Гараж — наследство от деду. Дед мой был жуткий автомобилист. Страстишкой своей он заразил и меня. Раньше мы вместе жили: дед, папаша, мамаша и я. Папаша и мамаша к автомобилям относились индифферентно — так, как к средству передвижения в пространстве без давки, и не более, а я и дед ковырялись с машиной по полной программе. Да и отслужил я как водитель. Дед покойный завещал мне и машину. Машина по нашим временам — реликтовое чудовище. Марка — «Победа». Аппарат, безусловно, неказистый, но это танк с высокой степенью надежности, к нему хоть колесо от телеги ставь — все равно поедет.

Я перелез через железнодорожную насыпь, вдоль нее гуляла поэмка, и, проваливаясь по цыколотку в сухой, как порошок, снег, спустился к воротам гаражной зоны.

У бокса меня уже ожидал Эдуард — сторож нашего кооператива, человек с прекрасно развитой грудной клеткой и бицепсами, скуластым, цыганистым лицом деревенского красавца, с наглыми, всезнающими глазами. Мелкий, изрядно битый судьбой и жизнью, но неунывающий жулик. Сидевший. Одет в ватник, замасленные расклеванные брюки; кавказская мохнатая кепка сдвинута на нос.

Эдик олицетворяет у нас прием любых заказов: спереть, достать, продать; надо — машину покрасит, надо — движок перебьет... Все умеет, и все чужими руками. Живет на комиссионных. В общем бездельник, но человек деловой. Порой мы с ним слесарим на пару. Ну, и жестяной не брезгуем, и маляркой...

— Есть «Москвич», — произносит Эдуард, закуривая и опуская лапу на пыльный капот моей «Победы». — Крыло битое. Смена, покраска... Работа — полтинник. Хозяину я объявил. Мишка вот-вот приедет, обещал крылышко...

Мишка — мой старый приятель. Раньше работал шофером в нашем КБ, сейчас крутит банкру в «Интуристе» — денежнее... В нашем трио он — служба снабжения.

Вскоре, юзя облепленными снегом колесами, его казенная «Волга» разворачивается на пятачке между гаражами. В оконце конопатая Мишкина физиономия (он рыжий, как бульдог).

Эдуард забирает долгожданное крыло и вразвалочку, загребая снег штанинами, уходит в каптерку. Я же, удобно располагаясь в тепле салона на велюровом сиденье, веду с Михаилом беседу «за жизнь». Проблемы у нас удручающе одинаковы — хроническая финансовая недостаточность.

— Что налево спибеешь, все на базе оставишь,— привычно ноет Михаил.— Вчера помпу меняли — пятерку отдал... А тут жениться задумал... Ну, сразу куча проблем. Во-первых, с жильем...

(Михаил живет за городом, в деревне.)

— С жильем у меня тоже,— вздыхаю я.

— Слушай, ты... по-английски волок ведь...

— Ну... так.

— Я тут к бабке наведалься... Под Архангельск. В тьмутаракань. Короче, собирал на досуге иконки. Шастал по всей округе. Туда мало кто из коллекционеров загребал. Чердаки, избы заколоченные. Итог: имеется два мешка, а что с ними делать... Доски трухлявые, ни фига не разобратъ — одна чернота... И...

— И дерзкий замысел родился в твоей бедовой голове,— закончил я.— Смотри... Бедовые головы, их, знаешь, наголо любят стричь.

— Дык ведь... такова се ля ви, как говорят французы, изучающие русский язык,— грустно отшутился Михаил.— Дом надо строить...

— Ну, и чего думаешь? — спросил я, проникаясь идеей.

— Я думаю! — сказал Михаил с тоской.— Толку! Доски расчищать надо, а это реставратор... где он? Потом язык — ни хрена же не соображаю, как глухонемой...

Я поразмыслил. Один художник, впрочем, может, не художник, а как раз реставратор — в тонкости его специализации я не вникал, был мне известен. Олег. Школьный дружок. До армии мы с ним встречались в его мастерской: пили водку среди скульптур и живописи. Но возьмет-ся ли он за иконы?

— С реставратором уладим,— сказал я.— Язык тоже... подвешен. А вот клиент — это уж...

— Клиент что? — вздохнул Мишка.— Вон сегодня один кадр... Оттуда. По-русски соображает. Ну, везу его, значит. Разговор. Я и вклеил: как вы, мол, к русской старине? Положительно, говорит. Ну, короче, без обиняков... Я, говорит, математик, сюда приехал надолго, так что какие предложения — плиз, не стесняйся...

— С иностранцами... — выразил я сомнение.

— А с кем еще?! С нашими, отечественными? — завелся Михаил.— Да они или рвань, или Рублева им подавай. Да и надуют тебя наши-то, так надуют — шариком будешь. Один мне тут заломил цену: за мешок четвертной. Ха-ха! Да в этом мешке моих трудов... там уже столы торчат! А мне дом нужен. До-ом! — Он выразительно потряс руками.— Телевизор. Холодильник. Элементарные вещи, понял? Что предлагаешь — вкалывать, копить, недоедать? Это, знаешь, скорбная жизнь. А потом чего тебе объяснять, у тебя то же самое. На замену крыльшек капитала не заколотишь, вот оно что. Больше наломаться. Усек, инженер?

— Точно,— согласился я.— И с работой ты меня уколол в самый нерв. Думать надо. И действовать!

ФЕВРАЛЬ 198... г.

На стоящую работенку я устроился. По-моему, удачно, хотя специфика моей службы родители горячо не одобрили. Как же! Инженер, все такое и вдруг — в госстрахе! Впрочем, в госстрах я устроился инженером. Оценивать, насколько та или иная машина пострадала в аварии. Чем я руководствовался в своем выборе? Естественно, соображениями меркантильными. Доходы мои высчитывались таким образом: зарплата — но это муть — и все остальное, что приносило умелое обнаружение повреждений скрытого характера. Обнаружение обусловливало субъективным фактором взаимопонимания между клиентом и мной, но так как взаимопонимание существовало постоянно, возможность заработать еще несколько зарплат без особенных нервных и физических перегрузок у меня определенно была. В душе же новой своей профессией я был не удовлетворен. Виделась мне в ней ущербность и суетность, но тем не менее ничего иного делать не оставалось. Мне, как и Михаилу, жаждалось пошлого, мещанского, но остро необходимого: квартиры, машины и разного барахла.

До упора набив чемодан трухлявыми произведениями живописи, позаимствованными у Михаила, и уложив между ними бутылку «Пшеничной», я отправился к Олегу. В мастерскую. Дверь мне открыл бородатый мужик с помятой, тоскливой физиономией, в драной рубашке навывпуск; тренировочные штаны с лампасами, красная повязка на лбу... Узнать в этом типе того мальчика-брюнетика с полными щечками, кто лет десять назад сидел со мной за партой, было затруднительно.

Расположились за столом, заляпанным высохшими кляксами краски. Я извлек бутылку. По тому, как оживились глаза давнего моего товарища, открылось, что на вопрос полечиться-отравиться ответ у него неизменно положительный. Рядом с «Пшеничной» тут же возникли пук черемши, огромная сиреневая луковица, хлеб и плавленые сырки. Слепые глаза каких-то бюстов с классическими носами безучастно следили изо всех углов за нашими приготовлениями.

— Ну, доволен ли ты своим пребыванием... в мире? — вытягивая зубами серединку из стебля черемши, спросил Олег низким, простуженным голосом. На полном серьезе спросил.

— Устроился вот на работу,— поделился я.— В госстрах. По автомобилям. Оценивать...

— Суета эти машины,— отозвался мой друг и крепче затянул узел странной своей повязки на затылке. Пояснил: — Насморк.

При чем тут насморк и эта тряпка на голове, я не понял, но промолчал. Выпили. Затем приступили к осмотру досок.

— Иконы старые,— монотонно констатировал Олег.— Кажется, интересные. Но надо чистить.— Он вытащил из заднего кармана штанов очки, надел их, выжидаяюще уставившись на меня. Оба стекла в очках были треснуты.

— Старик,— задумчиво начал я.— Ты — единственная надежда.

— Питать надежды... — произнес он пусто, — суетно и опасно. — И снял очки.

Я насторожился, не узнавая своего друга. Были в нем некие ощутимые отклонения. Чувствовалось это в манерах, в интонации, в неподвижном взгляде глаз с бешено-спокойными зрачками...

— Ну так... вот, — продолжил я обтекаемо. — И сколько же... тут будет... с меня?

Олег задумался. Глубоко, аж лицо отвердело. В итоге сказал так:

— Работы много. Но мы друзья. Поставишь мне символическую бутылку...

— Символический ящик поставлю!

— Двойной кофет, — взяв одну из икон, озадачился он. И умолк, всматриваясь в черноту доски. Потом заявил: — Религия слабых.

Во всяких церковных вопросах я разбираюсь не так, чтобы очень, но ради поддержания беседы и вообще в силу зарождающегося профессионального интереса любопытствовал: дескать, почему же слабых?

— А что Христос? — прозвучал горький ответ. — Прекрасная сказка для измученного человечества. Нет, вера в Мессию — вера изверившихся. Отчаявшихся. Лично мне ближе буддизм. Собственно, и тут есть, — он прищурился, кривя губу и закрыв глаз, — элемент непротивления, но секта дзен... Ну, давай... это... — указал на бутылку.

Мы вновь приложились и вновь закусили.

— Йога и дзен-буддизм! — провозгласил Олег. — Вот философия, вот мудрость. Представь океан. Что наша жизнь, а? Волны, его постоянно меняющаяся поверхность. А над нами и под нами две бездны. Понимаешь? — Он встал, выпятив живот в расстегнутой рубашке без половины полагающихся на ней пуговиц и зашагал вокруг меня, погруженный в раздумье. — Совершенно нет денег, — сказал неожиданно.

— А... — Я указал на скульптуры и занавешенные мешковиной мольберты.

— Жизнь во имя искусства, — сразу понял вопрос товарищ. — Авангард мой не ценится, а реализм у меня... да и не хочу! У тебя там нет... никаких моментов? В смысле никому там...

— Разве покрасить машину, — развел я руками. — Но пульверизатором, как понимаю, ты не владеешь...

И мы стали думать, как заработать деньги. Но предварительно я сходил в магазин за новой бутылкой.

— А если эту машину застраховать и... в столб? — мрачно спросил приятель.

Я тут же объяснил, по какой причине подобное нерентабельно.

— А если посылку на тысячу застраховать, — не унимался он, — и... ну... с сухим льдом ее... например?

Идея показалась мне красивой, но, так как предполагала официальное расследование, достаточно скользкой.

Думали еще, разное и долго. В отступлениях мне было поведено

кое-что о дзен-буддизме, об авангардизме, о спиритизме и парапсихологии. Рассказы друга о парапсихологии меня потрясли. При этом он клялся, что лично видел мужика, умеющего двигать стаканы усилием воли и наложением рук извещающего расслабленных от насморков, астм и головных болей. Тут-то ко мне и пришла мыслишка... Заработать на этой самой психологии!

— Надо заработать... на телепатии! — сказал я.

— На псевдо?.. — уточнил Олег.

— Естественное!

— Надо думать, — сказал мой друг и прямо со стула сполз на пол; лег, раскинув ноги в драных шлепанцах. — Гимнастика йогов, — пояснил, закрывая глаза. — Поза трупа. Представляешь птицей себя... орлом... парящим в небе. Ты... сиди.

Я сидел, размышляя. Товарищ мой явно тронулся на своих авангардистских штучках и всяких японо-китайских богах и религиях. Но это, в общем, меня не смущало. Во мне он вызывал грустный, болезненный интерес, какой обычно и вызывают всякие чудики, но, надо отдать должное, что, помимо всех своих вывихнутостей, кое в чем он мыслил ясно, здраво, с учетом многих жизненных тонкостей, и дело с ним можно было иметь вполне.

Минут через пятнадцать Олег, сморкаясь и с хрустом разгибая суставы, встал.

— Полет закончен? — спросил я — не без интереса, впрочем.

— Вот что, — ословело глядя в угол, сказал он. — Идея есть. Ты приходишь... куда-нибудь. Ну, ресторан... компания. Заводишь разговор. Парапсихология. Телепатия. Скептики, конечно. Ну, говоришь: есть знакомый, угадывает мысли на расстоянии. Не верят. Споришь. Сто рублей... Ну, вытаскиваешь колоду карт. Выбирайте. Тянут туза пик... к примеру. Ну, идешь к телефону, набираешь номер. Даешь трубку. Тот спрашивает: «Олега Сергеевича». Я говорю: «Да». Он: «У нас тут с вашим товарищем спор. Вы телепат...» Понимаешь? Я ломаюсь. Тот, естественно, настаивает: какую, мол, карту вытащил? Отвечаю: «Туз пик». Сто рублей. Ну, пополам.

— Ты чего? — не уяснил я. — В самом деле телепат? — И посмотрел растерянно на последнее полотно Олега — затоптанный окурков в мажорном ритме. На полированном паркете.

— Я хочу достигнуть, — вдумчиво сказал Олег. — Йога дает много...

— Что-что?

— Путь к совершенству долог, но, когда он пройден, дух может стать свободным от тела...

— Это... когда помрешь, что ли? — спросил я, разбегаясь в мыслях.

— Да нет же, — расстроился Олег от моего непонимания. — Ты можешь покинуть свою оболочку... ну... на час, потом вернуться... Свобода, ясно? Дух твой неограничен в перемещениях по Вселенной. Звезды, луна... Космические корабли! Ха-ха... Как жалко и нелепо все! Есть два

пути к познанию. Познание через моторы, бензин, лекарства, книги и углубление в себя, раскрытие в себе вселенской силы, чья мощь... Ракеты... хе! Что тело? — Он погладил себя по загорелому волосатому животу. — Кокон! А дух — это прекрасная бабочка, и, покидая тело, она делает нас свободными истинно! Тут есть неувязки с буддизмом...

— Ну так... насчет... — перебил я.

— А, — вспомнил Олег. — Значит, так. Олег Сергеевич — туз пик. Алексей Иванович — дама крестей. Короче, кого подзовешь к телефону. Отчество — масть, имя — карта.

В величайшем восхищении я потянулся к стакану, намереваясь произнести тост за светлую голову своего приятеля.

Но бутылка по каким-то мистическим причинам оказалась пуста.

МАРТ 198... г.

С маман я договорился сердечно и четко: сто пятьдесят рублей в месяц на жратву я даю, остальное мое. Та, простодушно ориентируясь на мою зарплату, просила вдвое меньше, но я проявил благородство, так что родители остались довольны. И папаша, расчувствовавшись, что ли, сказал, что в состоянии купить списанную из такси «Волгу» и считает, что «Победу» мне пора сменить на более приличный и современный аппарат. Я не протестовал. Единственное, что родителей смущало: мой новый гардероб, приобретенный через порочные связи Михаила. Гардероб включал в себя три пары штанов «Ли», замшевый лапсердук, десяток рубах явно капиталистического производства и также сундук типа «президент». Откуда, и что, и на какие деньги, я отмалчивался, хотя честнейший папаша, опутанный подозрениями, порывался прочесть мне нотацию. Но не удавалось: я пребывал в режиме крайней занятости и домой прикатывал где-то за полночь. Деньги благодаря работе на доходном месте появились, но с каждым днем их требовалось все больше и больше. Проблема кооператива рождала проблему мебели, мечталось о видеоаппарате, телефоне с памятью и так далее до бесконечности. Я понимал: предстоит напряженный, изматывающий труд! Мастерство друга своего Олега (кстати, систему «туз бубей» — Иван Иванович мы разучили с ним, как таблицу умножения), итак, мастерство его я оценил по достоинству после реставрации религиозной живописи. Из ничего, из черной, в пыль рассыпавшейся древесной трухи он воссоздал крепенькие, выгнутые дугой доски, сиявшие красками, лаком — будто только с конвейера.

Доски, перебинтованные туалетной бумагой, легко уместились в просторном чреве портфеля «президент». Тайное свидание с иностранным представителем готовил Михаил. Встречу после некоторых колебаний решено было провести в гостинице, куда под шумок мы попали, прикинув к составу какой-то делегации. Скажу по-честному, когда я отправлялся на это randevu, то предварительно обожрался валерьянки и от мыслей, что в любой момент нас могут застукать на этакой афернице,

потел хуже, чем в бане, хотя морозище выдался зверский, а делегацию мы караулили час. В гостинице более-менее успокоился. Посмотрелся в зеркало, пока гардеробщица бегала за номерком, — ничего прибрахлился: замшевый пиджачок, бабочка, очки-капли с золотистыми стеклами...

— К лифту! — шепнул Мишка и стукнул меня «президентом» по зад. — Красавчик. — Изысканностью манер он, стервец, не отличался никогда.

Я стукнул в нужную дверь. Руки у меня были противно-влажные. Хотелось домой, хотелось выпить на кухне чайку вириккусу с папашинной проповедью... Дверь открылась. На меня уставился лысый очкастый тип лет сорока — маленький, верткий, в потертых джинсах с бахромой и в футболке; на босых ногах — тапочки типа турецких, с загнутыми мысками; бородаща лопатой; вообще волос на его физиономии было значительно больше, чем на голове.

— Мистер Кэмпбэлл? — спросил я с английским акцентом.

— Да, да... — Он высунул нос в коридор, шваркнул глазом в обе стороны и, убедившись, что коридор пуст, пропустил меня в комнату. Номерок был вполне сносный. Тахта, торшер, коврик, ваза с какими-то корявыми сучьями — икебана, что ли? — и два кресла столь завлекательной формы, что меня сразу же потянуло усесться в одно из них.

— Я... от нашего знакомого, — сказал я и как-то невольно закричал.

— Да, да, я знаю... — Глазки у него невинно опустились. Чувствовалось, нервничал он не меньше моего, — все время дергал себя за пальцы, и они у него мерзко хрустели.

— Э... — Я покосился на портфель.

— Открыть, давай показать, — сказал он торопливо.

Я вытащил иконы, размотал бинты туалетной бумаги. Минут пять он обнюхивал доски, ковырял их когтем и изучал по-всякому, единственно на зуб не попробовал.

— Николая, — сказал он, ткнув в Николая-угодника волосатым кричим мизинцем.

— Точно, — подтвердил я задушевно. — Чудотворец. Семнадцатый сэнчери. Будем брать? Или как?

— Я хочу иметь большой разговор, — подумав, сказал он и спохватился: — А вы не воровай эту штука? Иксьюз ми, но... я честный человек и скандал... Вы понимает, да?

— Ес, сэр, — сказал я. — Как не понять. Вам крышка, нам крышка. Все очень даже понятно.

— Я не везу, — сказал Кэмпбэлл. — Другой человек... Но это есть секретный дело! — Он поднял палец. — И я имею разговор...

— Ну, — сказал я, — разговор разговором, но сначала дело. За каждую доску — пятьсот долларов. Века, сами понимаете — семнадцатый, восемнадцатый, древние; так что по-божески...

— Это кошмар... — Кэмпбэлл сел и протер очки штаниной висевших

на спинке кровати брюк.— Я даю тысяча для все. Фор олл. Я не имей много. И разговор...

— Стоп,— сказал я.— Тут наш знакомый... В туалете на этаже... Мишка. Надо посоветоваться.

— Оу, Мишка?— заулыбался Кэмпбэлл.

— Туалет,— повторил я. И пошел звать Мишку.

Когда мы ввалились в номер, иконы уже как ветром сдуло, а на месте их лежала пачка серо-зеленых бумажек. Мистер Кэмпбэлл опять ломал себе пальцы.

— Мы согласны,— заявил я, сгребая «капусту» и усаживаясь, наконец, в желанное кресло.— Все олл райт.

— Я имей разговор,— шепотом откликнулся Кэмпбэлл, пожал Мишке руку и полез в холодильник, вытащив оттуда бутылку виски, две банки с ананасовым соком, сыр и консервы.— У нас есть бизнес. Вы можете зарабатывать, и я можете тоже. Я знаю коллекционеров, очень богатая люди...— Виски он разлил в казенные рюмашки.— Я оставляю телефон свой друг... Вы— звонить и приезжай, он— отдавать деньги. Он честный человек, не дрожать от страха...

— Только с политикой мы не связываемся,— строго сказал Мишка и насутился.— Вы нас не впутывайте!

— Какой политик!— воскликнул Кэмпбэлл.— Я математик! Я бедный человек! Я тоже нужно деньги...

— Ну, выпьем,— сказал Мишка мрачно. Он думал.

— Но доставать тринадцать и интервал, да?— до восемнадцать век!— сказал Кэмпбэлл, записывая на клочке бумажки телефон.— Древний вещч. Плохой не надо мазня.

— Ну ясно,— сказал Мишка, до краев наполняя рюмки.— Ежу понятно. Сделаем. Все путем...

— Это есть опасность!— сказал Кэмпбэлл и ловко опрокинул рюмку. Лысина его покраснела, очки сползли на нос.— Я тоже дрожать от страха. Если поймай, меня сюда не пускают. Я изучаю топологию. У вас колоссальный ученый. Но меня поймай и не приглашает никто. Вы не воровай икона! Я говорил с человек, и он знает: надо покупать у старуха и дедушка в деревня. За рубель. Или очень хорошо— водка. Мне в деревня нельзя. Виза.— Он подумал.— Я бедный человек... Моя мама— в госпиталь. И я имей девушка, но нет дом.

— Такая же ситуация,— подтвердил Мишка с грустью.— Жить негде. С родителями— сам понимаешь...

Кэмпбэлл его не слушал.

— У вас дешевый квартира,— говорил он, покачиваясь.— У нас дорогой дома. Моя девушка иметь родители... Это есть кошмар! Нет дом— нет ес. Надо пятьдесят тысяча долларз...— Он полез в бумажник, извлек фотографию какой-то девицы и дал нам оценить ее лик. Затем вновь выпил, и в голубых глазах его появилась ангельская мечтательность и просветленность.— У меня есть долг! Двенадцать тысяча

долларз! Это есть кошмар! Если не отдать— тюрьма. Но моя мама бо- леть. Я делаю еще долг...

Я соболезнующе кивал, уминая анчоусы. Под виски они идут парши- во— словно одеколон с селедкой.

— Если вас...— Мишка для наглядности взял себя за шиворот,— то вы нас не знаете! А если нас... мы не знаем вас.

— Мы есть джентльмен!— выпятил впалую грудь Кэмпбэлл.— Оче- видная поведение.— И, поразмыслив, сказал:— Большая опасность. Пой- маться нельзя... Но это жизнь! А вы?— обернулся ко мне.— Какая про- фессия? Художник?

Я помедлил, закуривая... Ответил так:

— Занимаюсь вопросами... парасихологии,— заметив, что Мишка, информированный о моих телепатических фокусах, настороженно и да- же, как показалось, неодобрительно прищурился.

Кэмпбэлл уставился на меня, как на придурка. Впрочем, благожела- тельно улыбаясь. Зубы у него были белые и ровные, как клавиши у рояля.

— Но это... фантазия!— заявил он так, будто бы убеждал меня, сам между тем сомневаясь.

— Хотите спор?— изящно стряхнув пепел, пошел я в атаку.— Ну вот телепатия, верите?

— На... дистанция?— уточнил он, помахав, как всером, растопырен- ными пальцами у лба.— Мысль?

— Да!— Я кружил глазами по комнате, словно отыскивая некий предмет. Затем, озарив лицо рождением идеи, полез в «президент» и вытащил колоду карт.

Втолковал математику суть: друг-телепат, вытаскивай карту, звони, получай ответ. На кон после краткого торга была выставлена сотня руб- лей— номинал, оговоренный с Олегом. Кэмпбэлл изучил колоду. Выта- щил карту: десатку трэф. Одной рукой прикрыв телефонный диск, дру- гой я набрал номер и передал трубку специалисту по точным наукам.

— Дмитрия Теодоровича,— подсказал я Кэмпбэллу, примечая, что лоб первой моей жертвы несколько взопрел от волнения.

С акцентом, но четко тот произнес имя-отчество-код. И растерянно передал трубку мне. Сказал:

— Неправильно номер...

Я перехватил трубку, услышал далекое сопение и вслед за ним ка- кое-то предсмертное бормотание. С трудом разобрал:

— Н-не туда же... я г-говую...— И дали отбой.

Судя по всему, изрядная часть гонорара за иконки уже перешла че- рез магазин в государственные фонды.

— Ну, чего там?— спросил Мишка недовольно.

— На английском разговаривает,— сказал я.— В дупель!— И тут же пояснил спасенной случаею жертве:— Забыл номер, черт...

— Фантазия, — откликнулся Кэмпбэлл демократично. — Это модно. У нас тоже. — И уселся на батарею, задумавшись.

— Пошли мы, что ли? — предложил я, здорово сконфуженный своим провалом. Михаил закивал — пора.

— О, — Кэмпбэлл соскочил с батареи, вытер ладонь о зад и протянул ее мне. — Надо много икона, крест медный.

— Все будет, — сказал Мишка. — В лучшем виде. — По-куриному держа шей, он заглатывал остатки сыра. Сыр был липкий, и несло от него какой-то тухлятиной — видимо, дорогой сорт.

— Я приезжай в Москву на конференция, — говорил Кэмпбэлл. — Но у меня долг... Это тюрьма! Вы звонить и приносить доска. Очень точный договор только. Я прошу...

— О'кей, — сказал я. — Не дрожать от страха.

— ...Как ты чуть на сотенку-то не накололся, — позлорадствовал Михаил на улице. — Нашел место, тоже! Парapsихолог хренов! Ты одно дело с другим не путай, понял?

— Чего он... лысает-то? — кашлянул я, сознавая правоту товарища. — Молодой вроде...

— От ума, старик. Ученый.

— От какого ума? Что, у него мысли так череп распирают, что аж волосы выскакивают?

— Это ты у него спроси, — отрезал Мишка, с интересом рассматривая доллары. — Ну, как? — спросил. — Будем звонить тому хмырю? Надо же выручать человека из беды. Мамаша у него в больнице, жениться надумал, а тут еще тюряга светит... Или врёт? Хотя, знаешь, чего ему врать? Он дохлый такой, на студента похож. Что оттуда — ни в жизнь не скажешь! А за нами не следят? — Он обернулся.

— Кому ты нужен, — сказал я. — Христопродавец...

МАРТ 198... г.

Сижу в полуподвале конторы, курю, рассеянно поглядывая на нового инспектора Ирочку, склонившуюся над кипами отчетов; прелестная девочка: блондиночка, с милой, еще по-детски свежей мордашкой, глазки томно-карие, но смысленные, а сложена — конец света! Так и подмывает чмокнуть ее в губки, да и совратить при случае, но, к сожалению, не до того. Дело — миллион. Нескончаемые ремонты, воспитание буддиста моего — в карауле над ним стою, чтобы только делом занимался, ведь икон пропасть! Затем усиленно пробиваю через председателя, разбившего «Жигули», кооператив. Во имя таких вот ирочек и независимой жизни в целом. Машину свою председатель калечит регулярно, так что вопрос теоретически решен. Дело за деньгами. А с ними туго. Все, что успел заработать, — четыре с половиной тысячи, но, если принять во внимание, что час назад звонил папани, сообщив, что завтра предстоит выкупать «Волгу», то я нищий. Звонил также Эдик, правая моя рука в делах ремонтных, сказал радостное: директор универмага, входящий в правле-

ние нашего гаражного кооператива, въехал пьяну на своем «Додже» боксом в асфальтовый каток, и гонорар в размере тысячи нам уплачен. Это хорошо. Несколько не ко времени, правда. Сейчас основное — продать «Победу». Иначе — прощай «Волга».

Смотрю на часы. Вот-вот в контору должны прибыть оперативно отозванные от дел Эдик с Михаилом, после чего мы отправляемся на авторынок. Этих тигров я призвал на арену своих действий как защиту от возможных агрессий со стороны покупателя. На авторынке, как в зоопарке. Каждая машина — клетка, а в клетке — хищники. Итак, пора к шефу. Отпрашиваться. Мну сигарету в пепельнице, подмигиваю Ирочке — дружелюбно так, без тени пошлого намека и следуя к началу — Никите Спиридоновичу.

Кабинет Спиридоновича. Табачный чад, фиолетовое сияние трубок дневного света на потолке; зеленые пыльные шторы; метраж — три метра на три, и если учесть, что крейсерский вес Спиридоновича — далеко за сотню, а стол у него по площади — двуспальная кровать, а не стол, то мне остается маленький пятачок возле двери и стойка «смирно». Спиридонович поднимает на меня чуткие носорожки глазки. На сплюсненном его носу чудом держатся маленькие, кажущиеся игрушечными очки.

— Ну, чего? — хрипит он, багровея лысиной и ворочая из угла в угол шербающего рта потухший окуроч.

— «Волга!» — рычит Спиридонович. — Хорошо жить хотите!

И я, получив от начальства «о'кей», спешу к «Победе».

Возле машины бродят Эдик и Мишка, от скуки колотят ногами по бадлонам. Времени в обрез. За руль по случаю гололеда и лысого протектора садится Михаил: как-никак гонщик, мастер спорта... Эдик располагается на заднем сиденье, зябко кутается в шубу и, сглатывая холодную слюну, ворчит, что за помощь такого рода надо брать сотенную, а тут еще мороз, он в тонких носках, к тому же, страдает бронхитом, а идет, между прочим, на риск: и «кинуть» могут, и «куклу» дать, вообще — ОБХСС...

— Глохни, сволота, не «Вольво» толкаем, — говорю я с блатным акцентом. — Дороги не будет! — С Эдиком я управляюсь запросто: грубо, развязно, а чуть что, сжав губы и набывчившись, иду на него с гаечным ключом, и тогда он визжит, что я псих, дурмашина, и подчиняется. Я породу эдиков знаю. В их мире, где царит сила, голова в почете тогда, когда сидит на крепкой шее.

«Победа», пробуксовав, вылетает на проспект. Пицат шины: ай-яй-яй! Мишка ездит лихо: то по газам, то по тормозам.

— Щас кокнемся, — ноет Эдик. — Гонщики чертовы. Не продадим шарабан.

— Заткнись, — говорю я раздраженно. Мишка рвет, как обалдевший черт, и мне жалко машину. Хотя все равно отдавать в солдаты... Но ведь сколько она, родная, прослужила! Дедок на ней ездил... Каждый раз, как сажусь в нее, вспоминаю деда, детство, семейные наши поездки по

грибы, к морю... Любил меня старик. И я всегда тянулся к нему. Это был добрый гений моего детства. Старый, больной, но таким я понимаю его сейчас, а тогда, птенцом, я млея под надежным его крылом, хранимый, утешаемый, и думал, что это навечно, а оказалось, ничего вечного и в помине нет, такие дела. А тут, в этой машине, осталась его часть — живая, настоящая. Труд его рук, касавшихся каждого винтика, запах его — родной, далекий... А та зола, что в урне, стоящей в нише стены крематория, — это уже не дед, так — немудреный символ памяти об умершем. И страшнейший такой символ нашего времени, когда все надо компактно и экономно, потому что ничего, ни на что и никому не хватает. В том числе и места. Ни мертвым, ни живым. Пакостно на душе, слезно, тоска. И поделиться хочется, но с кем? Смотрю в зеркальце. На заднем сиденье полуживит Эд, с головой утопая в шубе. Скрипит зубами. Мишка, ровно отвердев сосредоточенным лицом, гонит машину в крайнем левом по набережной. И — приехали. Свисток. Сую товарищу техпаспорт, отыскиваем доверенность, и Михаил, поджав загибок, трусит к грозному постовому, украшенному белыми ремнями, белой кобурой и белыми крагами. Эдик философски ухмыляется, наблюдая за жестуляцией компаньона. Тот возвращается покрасневший и взъерошенный. Хныкает:

— Дыру пробили!

— Не грусти, кореш, — сыплю, с усмешечкой высказывается Эдуард. — Это — большое удобство. Теперь будешь талон на вешалку вместе со шляпой вешать, ха-ха-ха... — Жалости в этом человеке нет.

К рынку подъезжаем осторожно. Останавливаемся. Сидим, курим, мерзнем. Мнутя на ветру фигуры покупателей. Думаю: на этих нескольких гектарах земли, запруженных машинами, главенствуют лишь два нехитрых идеала: подороже продать и подешевле приобрести. Третьего не дано.

Наконец, стук в боковое оконце. Опускаю матовое от изморози стекло, и передо мной возникает обрюзгшее лицо со слезящимися от мороза поросычьиими глазами.

— Клиент, — вздыхает Эдуард, пуская клуб табачного дыма.

Клиент одет в затасканную, с прорехами доху до пят и новенькую каракулевую шапку с огненно-рыжим кожаным верхом.

Производится осмотр машины, делается пробный круг и начинается торг. Я прошу три тысячи, на что звучит непреклонный отзыв только о двух с половиной. Эдик кричит, что это грабеж, и обзывает клиента по-всякому. Мишка тоже изображает возмущение. Между тем угасает пасмурный зимний день. Надо торопиться. Клиент готовится покинуть нашу компанию, но, когда рука его нащупывает ручку двери, я соглашаюсь.

— Но на бутылку, мужик, это обязан, — быстро говорит Эдик. — Святое дело!

Начинается лихорадка со снятием номеров, переговорами с оценщи-

ком из комиссионного... Мишка забирает разницу и вместе с Эдиком отбывает в гараж. Часом позже, прилепив сапидолом к ветровому стеклу табличку «транзит», новый хозяин «Победы» доставляет в гараж и меня, рассказывая по пути, что выращивает в степях арбузы и без машины ему погибель. На толстых, коротких пальцах его я замечаю три золотых перстня очень топорной работы. Но главное, что увесистых и внушающих. У ворот кооператива мы расстаемся. Смотрю на «Победу» до тех пор, пока она не скрывается за поворотом. Прощай, дед!

Вваливаюсь в душное, вонючее тепло гаража. Весь бок занимает «Додж» — огромный, изрядно покореженный, но все равно ослепительно-шикарный своей массивностью, светло-зелеными стеклами, тяжелой, хромированной решеткой и шипованной резиной. На верстаке — закуска и прочее. Тут же общество: Эд и Мишка.

Пьем во имя проданной «Победы», за ремонт «Доджа» и за все хорошее уже без тостов. Когда Эдик выходит по нужде, Мишка, одной рукой утирая рот, другой достает из кармана пиджака конверт и бросает его на верстак. Доллары. За последнюю партию икон. Теперь Мишка занимается сбытом сам — ездит к здешнему резиденту мистера Кэмпбэлла. Ох, попухнем! Что касается моей доли — одна надежда: на относительную честность Михаила. Он, слава богу, не такой проходимец, как Эдик. Но тоже, по-моему...

На душе безотрадно. Вот оно, мое окружение. Жулики, спекулянты, валютчики, взяточники. Но ведь без них не заработаешь. Хочется, конечно, жизни, где каждый день — событие, большого дела, славы... Неужели все это для кого-то и не для меня?

Дума сажусь за стол, пусто смотрю в окно. Вспоминаю: а ведь раньше я писал стихи... Где они, эти рукописи? Выбросил? Скорее всего. А что, если попробовать? Если заняться этим делом всерьез? Прямо сейчас. Пересилить себя, заставить и написать. Вдур на что-то способен?

Ну-с, стихотворение. О чем? Внизу, к подъезду, подъехал «Мерседес». Вот машина! Н-да... Сумятица образов, воспоминаний и, наконец, ощущение находки... Легкое, как прикосновение крыльев — беззвучных, мягким дуновением скользнувших возле виска и тут же пропавших. Завороженно смотрю в детство: июльский теплый лес, пыльная дорога, бирюзовое поле овса; раздвигая хлесткие ветви елок, выхожу на луг: стрекотание жизни в травах, лиловые грозди колокольчиков, парной запах хвоя... Я упоен этой подлинной, зеленой жизнью и вдруг — внезапный, отрезвляющий диссонанс: туша мертвой коровы, разлагающаяся на пожелтелом от зловония пятаке травы... Ничего сюжетик. Так. Э... «Шел я...» Фу, ты... «...лесом, видел беса; бес картошечку варил». Это... так. «Лес. Влаги, жизни исполненный...» Стоп. Не описывать же эту корову? Ну гадость, что дальше? А потом корова. Ладно бы лось какой. А может, убитый герой? Занесло идиота! Все живое прекрасно, и все мертвое чуждо живому... Так-так, дружще... «Лес. И луг. И небес

синева...» Понятно, синева, не серобуромалиновость. На фиг! Спать! Завтра за «Волгой» пилить в магазин, а еще на работу. Корова... Деятель!

АПРЕЛЬ 198... г.

Сделал ремонтник одной дамочке с деньгами, и завязалась случайная связь... Дамочка — вдовушка. Квартира в центре, «БМВ», антиквариат, видео, quadro, но дамочке под пятьдесят, и рожа у нее... Можно, конечно, продумать ситуацию и стать через годик вдовцом... Думаю. Страшно. И потом Ирочка из нашей конторы мне как-то симпатичнее. Однако сосредоточиться всерьез на данных вопросах по-прежнему мешают заботы текущие. В частности, приобретенная в комиссионке «Волга», представляющая собой готовый к переплавке лом: гниль, ржа, одно название, что машина. Когда с папаней ехали из магазина, я на всех парах перескочил через здоровую лужу, и папаню окатило грязью с головы до ног — в полу, прикрытая картонкой, обнаружилась огромная дырища. В общем, сплошное разочарование. Но тут возникла мыслишка... О том, как бесплатно сменить старую технику на новую... Короче, угон. Угнать, вварить панель с моим номером кузова, движок пока старый воткнуть, а все оставшееся сплавить в кузов.

Был я в гараже, сидел в яме, разбираясь в болезнях своей гнилухи, когда подкатил Михаил в новорожденной, только-только с завода, интуристовской «Волге» — клыкастой, чистенькой, асфальтового цвета, я перекосился, сравнив этот аппарат со своим. Из машины вышла девица в невзрачном пальтишке, розовой вязаной шапочке, очечках, с золотушным, испещренным родинками лицом.

— Моя невеста, — сказал Михаил. — Нина. — И я пожал ее костлявую, птичью лапку. Вот так да! Мишка — неглупый, жизнерадостный малый и выбрал такое горе от ума. Пойми душу человеческую и тайну любви...

Нина эта, вжав головушку в воротничок кошачий, как цуцки, торчала в «Волге» и читала книжечку, а мы с Михаилом производили в гараже осмотр моего тарантаса.

— Чтобы сию автомобилью в люди вывести, — заключил Михаил, — год отдай. Считаю, документы купил.

Он был в новенькой дубленке с белым, как цыплячий пух, воротником, при галстукке, джемпере и черных диагональных брюках. Рожа его цвела от счастья, любви, надежд, преуспевания, и вихры золотые курчавились из-под шапки. Я — в грязной спецовке, с руками, как у негра, присел на верстак. И выдал неторопливо идейку. Мишка слушал, тускнея взором.

— Обабдел? — спросил он с презрением. — Знаешь, как это называется?

— Закон оскорбим, да? — сказал я. — Хищение! А знаешь, как называется операция с иконками и с денежками, где старичок в буклях? Там, в кодексе, за такое на всю катушку предусмотрено. Конечно, с иконками не марко, тут мы благородные жулики, прямо миссионеры, а там — грабители, шпана, но суть-то одна! — Я говорил, а сам диву да-

вался: мы же настоящие преступники! А раньше и не доходило почему-то. — Затем так, — вещал я. — Устраиваю тебе квартирку через одно знакомство. За дело такого рода надо отстегивать. И будь здоров сколько — плата за риск! Так что помощь твоя финансово компенсируема.

Это был аргумент. Физиономия Михаила обмякла. Настроение я ему, конечно, подпортил.

— Ну, подумаем, — сказал он, переминаясь в новых, как из пластмассы отлитых башмаках. — Но если накроет ГАИ, я ни при чем, учти!

— Мы ешь джентльмен! — вспомнил я Кэмпбелла. — Не дрожать от страха!

После изложил сообщнику, необходимому мне и по соображениям технического порядка, и в смысле моральной поддержки, выстраданный моим криминальным гением план. Суть плана заключалась в следующем: жил в нашем доме состоятельный человек, ныне покойник, владелец свеженькой «Волги», и хранилась тележка в одном из индивидуальных гаражей под железнодорожной насыпью. Наследники насчет этой «Волги» не чесались: по крайней мере гараж каждую зиму был завален снегом, а замки обросли ржавчиной. Словом, лакомый кусок.

Дверь гаражика мы уговорили в момент: лом, и проблема с замками решилась в течение минуты.

Вошли. Настоявшаяся, пыльная духота. Расплывчатый кружок света от карманного фонарика маленькой луной проплыл по зачехленной «Волге», метнулся по стенам — покрышки, канистры, банки с автокосметикой... Мишка прикрыл дверь и погасил фонарь. Миг темноты. Меня от макушек до пят как током пробрала дрожь. Это было настоящее преступление — откровенное и дерзкое!

Замок у машины оказался хитрым: пришлось курочить окантовку, вскрывать ветровик и уж после, изнутри нащупав ручку, открыть дверь. Работали мы, как полагается, в перчатках. Я был мокрый насквозь от ужаса и напряжения.

— Открой капот, — просипел Михаил из темноты. Он то и дело гасил фонарь от страха.

Я нащупал скобу привода, нажал ее, как гашетку, и тут раздался страшный грохот, будто упал комод. Обезумев, я вывалился из кабины, пав на карачки. Замер, ощущая, как по лбу прохладными червяками ползут струйки пота. Секунду стояла какая-то библиотечная тишина.

— В яму... сука, — донесся сдавленный болью голос товарища. Мишка, поднимая капот, свернулся в смотровую яму. — Фонарь... — Он искал утраченный при падении источник света.

Вскоре внизу замерцала лампочка. Михаил, кряхтя, выпростался из-под брюха машины. Сел на корточки, спиной упершись в боковину бампера. Отдышался. Тихо, истерически хохотнул, качнув головой.

— Ничего, старик, — сказал я, справляясь с испугом. — Сядешь как-нибудь после душа, кафеля и полотенца напротив цветного телека

«Панасоник» в новой квартире, нальешь в высокий бокал «Мартини», обнимешь жену-красавицу... И вспомнятся страдания, и решится, что было за что.

Мишка безмолвствовал. Я понимал: сейчас перед нами обоими стоял один и тот же вопрос: может, уйти? — но понимал и то, что вопроса этого никто не задаст вслух — поздно уходить.

— Если еще руль на замке, тогда... — сделал я попытку к отступлению.

Михаил навел фонарь на руль. Замок зажигания нас поразил: хозяин, вероятно, был полный кретин: поставить на двери черт знает что, превратить ее буквально в сейф, а к зажиганию подвести хлипкий, разболтанный замочек от горбатого «газика» времен моего отрочества.

— Замок-то! — озаряясь улыбкой, возликовал Михаил. — Гвоздем включим, копеейкой, ядрена вошь! Аккумулятор ставь! Живо!

Я вытащил старый аккумулятор — такой же усопший, как и его владелец, встал на место. Затянул клеммы. Подкачал бензин. Торжественно вздохнув, шепнул Мишке, склонившись над двигателем:

— Давай! Включаем! — И приготовился к глухому стрекоту стартера, первой вспышке в цилиндрах, тупо уставившись на неподвижный пока винт вентилятора.

Послышался лязг и одновременно с ним такой звук, будто пырнули ножом мешок с крупой.

— Чего... там? — осторожно спросил я, светя фонарем в салон.

Мишка вращал влажно блестящими, изумленными глазами и страдальчески сопел. Рука его была словно приклеена к замку. Я присмотрелся и чуть не потерял сознание... Бледную, конопатую Мишкину руку держали, сомкнувшись на ней, огромные, хищно отливающие голубым металлом щипцы. Кровь черными, тяжеленными каплями медленно выступала из-под проткнувшей запястье стали и извилисто текла по белым, как гипсовым, пальцам, мертво зажавшим новенькую, девственно блистающую копеечку.

— Нога, — сказал Михаил ошарашенно. Я с трудом заставил себя перевести взгляд вниз. Та же картина. Щипцы, ухватившие лодыжку. — «Секретка», — посоветовал Мишка голосом, полным терпения и страдания. — Ищи!

«Секретку» мы не нашли. Я вытащил из сумки с нашим преступным инструментом ножовку. Страх не было. Была стерильная опустошенность мыслей. С гудевшей головой, перемазавшись в крови, я пилил щипцы. Полотно было отменное, японское, но одно я сломал, а затем сломал и запасное. Опять начались поиски «секретки». Фонарик светил уже, как догорающая спичка. Мишка рычал, закрыв глаза от боли. Голова его моталась, как у дохлой курицы. Наконец, под сиденьем нащупался бугорок кнопки. Щелк! Мишка взвизгнул. Щипцы разжались и теперь напоминали клешни обороняющегося краба. Крови на их лазурной синеве не было. Я поднял на себе куртку, влез липкой, в коросте

засыхающей крови, рукой под рубаху и отодрал клоч майки; выдернул его из-под полы и приступил к перевязке.

В фонаре красненько тлела спиралька лампочки. Мы не сказали друг другу ни слова. Сунули воровские атрибуты в сумку, потоптались: не забыли ли что? — и вышли. Я хотел помудрствовать: не судьба, мол, или чего-то еще в этом духе, но промолчал. Лучше было промолчать.

Повесили сломанные замки.

— Аккумулятор! — вспомнил Мишка.

В эту минуту по стене гаража резанул свет и нас пригвоздили к месту приближающиеся, как удавы зенки, круги фар. Не сговариваясь, мы прыгнули в узкую щель между гаражами, повалившись в снег и в грязь. Мимо, ныряя носом на ухабах, проехала машина. Я с ужасом постиг: милицкий патруль! Желтый фургон! Машина развернулась, вновь проехала мимо и скрылась.

— Аккумулятор! — простонал Михаил. — Там же инвентарный номер! Я его у себя с базы спер!

Я вернулся в гараж. С трудом снял тяжеленную коробку. Глянул в салон: смятые коврики и кровичка. Затем на полках увидел в последнем озарении дотгорающей спички четыре новых пшипованных баллона. На ощупь снял их. Сумку с аккумулятором повесил себе на живот; один баллон, как спасательный круг, надел на шею, подхватил три остальных...

— Ну, чего ты? — рявкнул из-за двери Михаил свирепым шепотом.

Я вышел из гаража, как статуя Командора. Сказал:

— Чтоб не пустыми.

— Чтоб тебе пусто было! — уточнил Михаил, скрежетнув зубами, но баллоны взял, помог.

Когда мы пробирались к моей «Волге», повалил тяжелый, мокрый снег, таявший на нас — грязных, распаренных, только к нам прикоснувшись.

Я завел машину. Включил габариты. Сказал:

— В больницу нельзя.

— Можно! — Мишка сморщился от боли. — Есть у меня свой эскулап, как раз сегодня дежурит...

В ночной, залитой светом процедурной «свой» эскулап, не задававший лишних вопросов, зашил Мишкины трамвы, вкатил укол и сказал, чтобы через день приходил вновь.

Вскоре я, вышибая, как в ознобе, чечетку на педали акселератора, рассекал туманы на шоссе, доставляя сообщника в его пенаты.

Обошлось без прощания. Мишка, матюкаясь, вылез и отправился через сугробы к родной избе. Я поехал домой.

Проехав пост ГАИ на кольцевой, остановился у обочины, почувствовав вдруг, что устал бесконечно, до такой глухоты эмоций, что не хотелось ничего, даже спать не хотелось. Полная прострация. Выкурил сигарету. Дым драл глаза и глотку нестерпимо, по-ночному.

Сырая улица. Провисшие от снега провода. Дробящиеся огни в брызганном грязью лобовом стекле. Одиночество. Зачем живу?

АПРЕЛЬ 198... г.

Прошла неделя, Мишкины раны начали заживать, но рана нашей преступной неудачи кровоточила день ото дня все сильнее: на место пережитому страху пришла досада. Досадовал прежде всего я, но от меня зависел квартирный вопрос Михаила, и потому мои чувства ему пришлось понять... Более того: им же было выдвинуто предложение угнать его новенькую, служебную «Волгу» во время обеденного перерыва. Крепкая мысль! Предварительно перед утоном я выпил бутылку вина, решив: если зацапают пьяненького, подведут статью «без цели хищения» — то бишь решил прокатиться. А не поймают — мое счастье. Впопыхах, из горлышка выпитое мной винишко начисляло градусов восемнадцать, ерунду, но от дикой нервной перегрузки я захмелел так, что с ужасом постигал: еле держу дорогу! К перекрестку подлетел на всех парах, едва не воткнувшись в грузовик впереди; дал по тормозам, инерция кинула меня на руль, нога соскочила с педали сцепления, и машина, дернувшись в судороге, заглохла.

Трясущейся рукой нащупал ключ, с силой повел его в замке и тут же опустил пустоту под пальцами... В обратную сторону, дурак! Обломал! Сзади сигналили, потом начали объезжать. С перекрестка ко мне двинулся постовой.

В новой японской куртке, в брюках, я полез под машину. Рукой вцепился в лонжерон. На лицо мне стекала грязь. Я видел мокрый, бугристый асфальт, мчащиеся в венчиках водяной пыли колеса автомобилей и рядом, крупным планом, сапоги гаишника.

— Ну, что там у тебя? — эхом донесся вопрос.

— Заглохла.

— Давай к обочине и там копайся, понял?

— Щ-щас, — прошипел я, заставив раздвинуться губы.

Сапоги зашагали прочь. Ободрав лицо о порог, я вылез из-под машины. Ногтями схватил заусенец обломка, торчащий из паза, повернул... «Тух-тух-тух» — подхватил движок, и я врезал по акселератору так, что стекла дрогнули. Постовой погрозил мне палкой — полосатой. Дружелюбно, прочем. А в гаражах было тихо. Никого. Закрытые двери. Я загнал «Волгу» в бокс. Я был трезв. Только ощущал себя выпотрошенным каким-то. Огляделся, стирая хрустким заледеневшим снежком грязьцу с куртки. Солнышко. Капель бомбит лужи. По-весеннему сонный мир. А ведь сейчас облава, летят опермашины, Мишка долбает себя кулаком в грудь, кореша подтверждают, милиция изучает след острого старта, десятки людей ловят меня — преступника, отцепенца. Я содрогнулся. По коже с порывом свежего, пахнущего почками и талым снежком ветерка побежали, отвердевая, мурашки. И до воя захотелось все повернуть назад! Но на попятную... поздно. Давно уже поздно. А когда это

«поздно» началось, где был тот момент, после которого стало поздно, и почему он был? Раньше-то, когда в КБ трудился и с «Победой» маялся, куда радостнее бывало. Пал я, да? Ну, пал. Обратного не возвратиться. Терпеть. Задумался над собой, над Мишкой, над всеми новыми приятелями... Почему мы такие? Есть же ребята — осваивают просторы, на полос пехом экспериментируют, корабли поднимают... У них что, все иначе? А что иначе?

Вечером я пришел к Мишке. Товарищ являл тучу грозную. Мать его хлопотала по хозяйству совместно с будущей невесткой.

— Затаскали, — сказал Михаил. — Бумаг написал — рука отваливается. И орут все, как будто я виноват. Знаешь, Нинке я про иконы... ну там... сказал... — продолжал он. — Такое было! Или развод, или прекращай! И на тебя она... это. Все! Что осталось из долларов, сменяю, батя на «Жигуль» в очереди; куплю и шабаш!

— Ужинать садитесь, — проскрипела за дверью Мишкина мамаша, и мы прошли в комнату. Нинка взидала на меня, как на змею.

Вернулся Мишкин отец. Под этим делом. Он — завгар в одном из НИИ. С халтуры пришел. Сказал, что меняли какому-то профессору полуось. Папаня был веселый, но в скучной домашней обстановке тоже постепенно сник и озлобился. Долго смотрел в тарелку с картошкой, посыпанную луком, выслушивая нарекания жены по хозяйству — то не сделано, это... Затем треснул прямо в тарелку кулаком, заорал:

— Да о чем с тобой говорить! Ты ведь... не знаешь, что такое интегральное и дифференциальное исчисление даже!

— От профессора научился, — холодно констатировал Мишка.

Я встал. Надо было уходить.

Дома, на кухне, папаня и маман садились за ужин. Играл приемник, было уютно, тепло... Неожиданно накатило рассказать папане кое-что из своих криминалов, но как бы во втором лице, что и сделал. Дескать, был друг, но так вот опустился... Папаню честнейшего буквально загрязло. Возмущению не было конца, края и предела. Сурово блестели стекла очков, звучало: «Сажать! Бандит!» Мать даже успокаивать его начала и на меня зыркать: к чему, мол, такие страсти рассказываешь?

И я испугался. Как маленький, как в детстве, когда набедокуришь и ждешь, что накажут. И так хотелось быть маленьким! Но с этим уже кончено, все. А когда кончено — и не заметил...

АВГУСТ 198... г.

Проснулся среди ночи — в поту, изнемогая от кошмарного сна, отступив, оставившего застрявший в глотке комок ужаса, хрипом рвущийся наружу. Сел, отдышался, унимая испуганно колотившее в ребра сердце.

В новой моей квартире стояла гулкая, необжитая тишина; пахло свежими обоями и олифой. Поправил одеяло, сползшее с плеча Ирины, натянул на голое тело свитер, прошел на кухню. Уселся в полумраке серенького рассвета, блекло высветившего такой же серенький пластик

новенького, вчера приобретенного кухонного гарнитура. Сидел, тяжело соображая нудно гудящей головой: как быть? Как избавиться от вгрызшейся в меня клещом мании преследования, когда за каждым звонком в дверь чудится милиция, обыск, и сразу всплывает в памяти «Волга», увесистый пакет с долларами и рублями, бестолково перепрыгиваемый из гаража в подкладку старой шубы, из подкладки — в угол под ванной... Родители, анализируя мое процветание, все настойчивее пророчествовали об обязательном возмездии закона; Ирина тоже подозревала и, хотя помалкивала, безропотная душа, про себя огорчалась ежеминутно. А я был захвачен инерцией. Но сейчас, сгорбленно сидя на кухне, думал, что пора заставить себя остановиться. Составился план: переход в КБ, регистрация с Ирочкой, богатую невесту — побоку, ей инженер ни к чему, и, наконец, разговор с Михаилом — дескать, завязываем на-прочь.

Утром на работу не пошел — все равно увольняться. Отыскал в барахле медную коробку, переложил туда финансы, оставив сто долларов на «Березку» и тысячу рубликов на проблемы текущего бытия; запаял крышку и покатил за город, в лес.

Пронеслись в оконце новостройки окраины, зона отдыха с мутным озерцом и деревянными, крашенными под мухоморов грибами, проплыли увязающие в придорожной топи замшелые болотные сосенки, поникший пригорок с картофельным полем. Места были знакомые. Вышел на лужок, узрев привычный ориентир прошлых пикников: здоровенный, дупистый дуб с узловато струящимися к земле жилами вековой коры. Постоял, глубоко, как и любой горожанин, дыша воздухом, настоящим на хвое, травах и мхах. Редкие листики на оголенных осинах, трепещущие в прощально-теплой синеве неба, обреченная тишина ожидающего осени леса. Надо же. Не за горами зима. А как лето прошмыгнуло, и не заметил в подвале конторы и в яме гаража. А что, может, уехать куда-нибудь и жить в лесу? Без затей, без сутулости... Нет. Я — дитя большого города. И во мне вирусы его. Их токсины отравляют меня, привыкшего к такому хроническому отравлению, и стоит ли излечиваться от болезни, когда столько антител накопилось? Это те, что из леса в город попадает, бегут обратно больные, оглушенные, подавленные, не присмлющие нашей привычной хвори, а мы без нее не можем, как курильщики без табака.

Я расчихал пехотную лопатку, подцепил пласт дерна, сунул под него коробку; потоптался, затрамбовывая почву и пугливо озираясь... Ну-с, часть страхов захоронили. Может, и «Волгу» на четвертой передаче в болото спровадить? Жалко!

Теперь куда? Прикинул, какая на мне одежда — сойду за иностранца? — и покатил в «Березку».

Вошел в чистенький, сверкающий всем иностранным магазинчик, побродил меж стеллажей, заставленных блоками с сигаретами, взял три разных; прихватил пузырек «Боллэ»... Дуриком, на смеси ломаного род-

ного языка и относительно чистыми вставками языка не родного, объяснился с кассиршей, сунул в карман 60 долларов сдачи и, довольный, вышел. На улице возле меня возник парень — плечистый, сноровистый, с загорелым лицом; в яркой спортивной куртке; складной зонтик висел у него на боку, как пистолет, изогнутой своей ручкой просунутый в петлю для ремня.

— Рашн иконами... интересуемся? — с хрипотцой зашептал он.

— Сожалею, корешок, нет, — усмехнулся я, глядя на растерянное его лицо и узнавая это лицо... Тот, в свою очередь, признал меня... Старый клиент. То ли крыло я ему красил, то ли дверь... Владелец «Запорожца» древней модели. Осторожно живет человек, правильно.

— Чего тут пасешься-то? — спросил я недружелюбно.

— «Капуста» нужна, — ответил он, явно теряя ко мне интерес.

— Две тысячи возьмешь? — спросил я с иронией.

— Конечно! — неожиданно согласился он. — Один к трем. Только тогда так... Денег под займу и сегодня же здесь, у метро. Выход к стадиону. В семь часов. Я на своем клопе подъеду — увидишь. Откатимся в сторону и махнем... Чтoб не замели.

Я обрадовался. Действительно, обменять эти опасные деньжата и завершить эпопею. Михаила попрошу подстраховать. Последний раз, скажу... В лес, правда, придется тащиться, покой клада тревожить, но что делать? На минуту решил заглянуть к Олегу, подбросить ему пару досок для обновления. Капитал все равно надо укрепить — мало ли что...

Дверь опасно, на малюсенькую щелочку, приоткрылась, и в ней показалось чье-то лицо без щек.

— Олег... — сказал я, как начало пароля.

Щелочка мало-помалу расширилась. Передо мной стояла девчонка лет пятнадцати — худенькая, остроносенькая, веснушчатая и чем-то необыкновенно напуганная.

— Я сестра, — словно оправдываясь, пояснила она писклявым голоском. — У нас несчастье. Вы... друг Олега? А... он йогой занимался. Поза трупа. Ну, расслабление мышц, нирвана...

— Птичка в небе? — севшим голосом спросил я, припоминая.

— Да. И он не мог сесть... Летал... и не мог. Разбился. Ну... психически... Утром отвезли. В больницу.

Доигрался, дурак! Дальнейшее я не слушал. Известие произвело на меня впечатление ошеломляющее, и, выбитый из колеи, расстроенный вконец, я покати́л на работу к Михаилу. Там сообщили, что сегодня тот в отгуле — ищите дома.

Дверь новой Мишкиной квартиры открыла крыса его благоверная. В махровом халате, с полотенцем на голове, вся зареванная, вслухшая лицом... видимо, был скандал.

— Можно? — галантно осведомился я.

— Входи, — сказала сиплым, нехорошим баском.

— Где Миша?

Улыбнулась, застыв лицом. И — раздирая рот, закричала, вцепившись в меня:

— Там, где и тебе желаю! Взяли! С иконами этими! Говорила, не будет вам ничего... Говорила же!

На обратном пути, не доезжая километра до поста ГАИ на кольцевой, я затормозил, прижавшись к обочине. Собственно, чего мне грозит? Выдавать меня Мишке не резон. Совсем не резон, если учесть, на каком именно автомобиле я езжу. Мыре его я это тоже твердо внушил. Нет, в самом деле, надо поутихнуть. Навсегда — глупости, но на время — обязательно. Свидание сегодняшнее, что на семь часов назначено, переиграем. На более благополучный день.

...Голубой клопик — «Запорожец» покорно стоял на обозначенном месте возле метро. Знакомая спортивная куртка, призывный взмах рукой...

— С собой? — сразу спросил парень.

— Да... то есть... — рассеянно ответил я, нащупав в кармане имеющиеся шестьдесят долларов, и уже приготовился сесть в машину, чтобы дать некоторые пояснения, но сделать этого не сумел: сзади меня стиснули чьи-то уверенные руки, я инстинктивно рванулся, но навстречу мне шагнули люди в плащах, а возле «Запорожца» возникли неизвестно откуда выкатившиеся «Волги».

Я был омертвело спокоен. Как в этот день, так и потом, на допросах.

— Где вы взяли валюту?

Оправдывался неким господином, потерявшим бумажник с деньгами и документами, который был найден и возвращен мной по визитной карточке с адресом отеля. Господина не помню, имя забыл. Да и когда это было... А насчет двух тысяч — это шуточки, начальник. Откуда?

— Оказал услугу, — талдычил я, уставившись в сетчатый «спикер» магнитофона. — А он мне дал доллары...

— А мы вам за эту услугу дадим срок, — сказал следователь, очень правильный такой человек. Майор.

А потом добавил:

— Валютные операции — одно. Теперь второе: не знакомы ли вы с таким словосочетанием: «нетрудовые доходы»?

Ну и пошло...

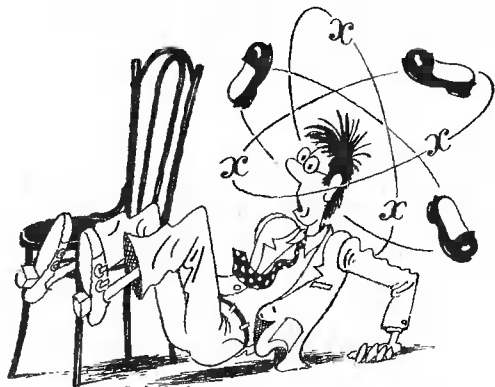
— Буду ждать, — просто сказала Ирина на последнем свидании.

Из письма:

«Милый Игорь!»

Ты что-то напугал. Ездила за город, все правильно, но там... в общем, какие грибы? Котлован и фундамента свай... Пансионат там строят. Не расстраивайся... Может, ошиблась, но вряд ли... Носки тебе теплые wysлала, получила?..»

Дальнейший текст письма носит характер сугубо личный.

ЗАДАЧИ ВЫСШЕЙ СЛОЖНОСТИ

Федя Богомолов, студент третьего курса мехмата, прогуливая лекцию, решил зайти к своей тете, работавшей завучем в средней школе.

Встреча родственников носила прохладный характер. Тетя была чем-то явно удручена, и Федя понял, что зашел не вовремя.

— Я того... пойду, — сказал он, взглянув в ее озабоченное лицо.

— Иди. Заходи, не забывай, — равнодушно откликнулась тетя, но вдруг лицо ее прояснилось. — Феденька! — воскликнула она. — Дорогой! И как это я забыла! Ты же математик! Понимаешь, у нас заболели два преподавателя математики. Справляться-то мы справляемся, но сейчас в третьем «В» урок должна проводить я, а тут звонок из роно. Вызывают на совещание. Выручи, проведи урок, а?

— Я? Урок? Милая тетушка, о чем вы в самом деле?

— Феденька, умоляю!

— Ни...

— Ну хотя бы займи их чем-нибудь. Ты ж на третьем курсе, а они в третьем классе. Порешайте задачи. Ребятам будет интересно.

— Ладно, — вздохнул Федя. — Попробуем... В конце концов третий класс — не десятый. Справлюсь.

Федя поднялся на второй этаж и робко вошел в третий «В».

— Здравствуйте, товарищи, — сказал он бескислородно. — Сегодня я уполномочен... В общем, проведу у вас урок математики.

— Здравствуй! — хлопнув артиллерией парт, нестройно отозвался третий «В».

Федя задумчиво оглядел доску с нарисованной на ней рожей пирата и, мучительно вспоминая, чему его учили в третьем классе, спросил:

— Вы таблицу умножения знаете? Знаете... Отлично. Тогда приступим, товарищи! Даю вам простую задачу. Есть десять галош. Пришли трое мальчиков, надели галоши и ушли. Затем пришли две девочки и надели оставшиеся галоши. Сколько галош взяли мальчики и сколько девочки?

Класс схватился за головы. Забегали по тетрадам авторучки.

— Ну-с, — сказал Федор через десять минут, — решили? Вот вы, товарищ с синяком, получили ответ?

Товарищ с синяком, двоечник Бутурлакин, солидно одернул пиджак и сказал:

— Задача, выдвинутая вами, нетривиальна. Уравнение, описывающее ее условие, неопределенное... Три икс плюс два игрек равно десяти...

— Чего? — изумился Федя. — Какие икс, какие игрек?

— Три икс есть произведение трех мальчиков на число галош, взятых мальчиками, а два игрек — произведение двух девочек на число галош, взятых девочками, — уверенно заявил Бутурлакин. — Икс равен четырем, игрек — минус единице!

— Простите... — молвил Федя придушенным голосом. — Что же получается? Мальчики надели по четыре галоши, а девочки по минус одной? Да вы что, товарищ?

— Условие задачи — софистика! — сказали с задней парты компетентным дискантом. — Уравнение имеет бесконечное множество корней!

Класс загалдел.

— Товарищи! — сказал Федя, изнеможенно садясь мимо стула. — Спо... койно!

Он встал и подошел к доске.

— Уравнение тут вообще ни к чему. Смотрите... Вот — десять галош. Три мальчика. Две девочки. А сколько галош надо одному человеку? Ну? — Он кивнул нежному созданию в кудряшках, сидевшему на первой парте.

— Ни одной... — пискнуло создание упавшим голоском. — Сейчас галоши не носят...

— А вы предположите, что их носят! — затравленно закричал Федя и вытер машинально пот со лба лежавшей на приступе классной доски губкой. — Предположите! Сколько... человеку надо?

— Две... — всхлипнуло создание в кудряшках, — галоши...

— Наконец-то! Так сколько галош наденут три мальчика?

— Шесть... — ошарашенно прошептал Бутурлакин.

— А девочки?..

— Четыре! — хором ответил класс, восхищенный элегантностью решения.

Класс, пораженный открывшимися перед ним безднами науки, некоторое время безмолвствовал.

— Ну, вот и все... — устало сказал Федя. — Другая задача... — продолжил он. — Предположим, у нас есть тридцать килограммов воблы, товарищи!

— Вкуснятина! — раздался чей-то сладострастный басок.

— Тридцать килограммов воблы, — строго повторил Федя. — И... три осла. На каждого из них надо нагрузить воблу поровну...

— А что такое осла? — донесся вопрос.

— Ослы? — Федя почувствовал подвох, но, внимательно оглядев притихшие ряды, не уловил и тени издевки. — Это, товарищи, такие животные. Млекопитающие, по-моему... Ну... такие...

— Конкретнее! — потребовал компетентный дискант.

— Ну... среднее между лошастью и кроликом... — Федя начертил на доске овал, приделал к нему четыре палочки, обозначающие ноги, нарисовал голову с точками глаз и с длинными ушами и, наконец, провел от края овала извивающуюся линию — хвост.

— Вот, — сказал он, мысленно сравнивая свое творение с наскальными рисунками неандертальцев. — Это осел, товарищи! Прошу любить и жаловать.

— Что-то непонятное... — высказался компетентный дискант.

— Почему же непонятное? — забеспокоился Федя. — Очень даже понятное... Вот это — голова с глазами. Ну... будто бы две точки в замкнутой области.

— Так бы и сказали... — пробурчали из угла.

— А на голове полином третьей степени? — раздался вопрос.

— Четвертой! — поправил Федя. — Это уши.

— А интеграл у осла сзади зачем? — спросил Бутурлакин.

— Это хвост! — слегка оскорбился Федя. — Хвост! А вот этот кружок — туловище!

— Что значит — кружок? — неприятно удивился Бутурлакин. — По-моему, это кривая второго порядка...

— Да! — закричал Федя. — Второго! И параметрически она задается уравнениями $\text{икс} = \cos t$, $\text{итрек} = \sin t$!

— А можно и так: икс-квадрат , $\text{деленное на } \alpha\text{-квадрат}$, плюс итрек-квадрат , $\text{деленное на } \beta\text{-квадрат}$, равно единице! — радостно провозгласил Бутурлакин.

— Можно... — меланхолически согласился Федя. — И так можно.

Тишину прорезал вопль звонка. Класс оживился и шустрым ручейком выскользнул за дверь.

Федя чуть-чуть постоял, тупо глядя на опустевшие парты, потом медленно двинулся к выходу.

«Прогульщик несчастный... О чем только думаешь? — корил он себя. — Быстрее защищаться надо... Диплом, диссертация, если успеешь, конечно... Быстрее, Федя!»

...Бутурлакин и обладатель компетентного дисканта Петухов, покуривая в туалете, увидели, как долговязая Федина фигура, пошатываясь, исчезает в глубине школьной аллеи.

— Ох, и суровые задачи дал нам этот тип... — вздохнул Бутурлакин. — Жуть!

— Ученый... — уважительно подтвердил Петухов.

ОТ ПЕРЕМЕНЫ МЕСТ...

Егор Иванович Пышкин собирался на работу. Портфель с бутербродами, термосом и утренней газетой был укомплектован, оставалось последнее: привести в надлежащий вид обувь.

Пышкин вышел на лестничную площадку, привычно уперся в ступеньку каблуком и заелозил щеткой по ботинку, умиротворенно следя за появлением глянца.

И вдруг начало происходить с Егором Ивановичем нечто странное... Впрочем, не столько с Егором Ивановичем, сколько с миром, его окружавшим. Ступеньки лестницы из серого камня стали вроде бы как менять свой цвет, а черная, блестящая кожа ботинок превратилась в какую-то затасканно-рыжую... Но тут Пышкин совершенно обомлел. Ибо заметил краем глаза, что бетонная стена, окрашенная масляной краской, никакой краской уже не окрашена и не бетонная она вовсе, а самая что ни на есть бревенчатая.

«Что же это такое-то? — подумал Егор Иванович с легким испугом. — Спать я, кажись, не сплю... Галлюцинации, что ли?»

Он мотнул головой, стряхивая наваждение, но наваждение не стряхнулось.

«Пойти жене рассказать?»

Но тут вышла из квартиры жена. Правда, на жену Егора Ивановича она была не совсем похожа, то есть, совсем не похожа и одета весьма оригинально: платье какое-то длинное и на голове шаль, но Пышкин все равно знал — это его жена.

— Егор, — сказала жена строгим голосом, — сколько же, государь мой, копаться-то можно? На службу опоздаешь.

Пышкин хотел было сказать: «Да успею я, чего там, Нюр...» — но не сказал так, а издал хрипящее междометие, поскольку каким-то вторым умом дошло до него, что не тот он Пышкин, делопроизводитель из главка, а некий чиновник в некоем департаменте. И даже ясно увидел он в новой своей памяти и департамент этот, и зарывшиеся в кипы бумаг чьи-то лысины в огромной, заставленной громоздкими столами зале.

— Сейчас я, сейчас... — пробормотал Егор Иванович, справляясь с оторопью. Затем же — кинулся на службу.

Выбежав из дома, он поразился еще больше, не узнавая ни географиче-ского знакомого района, ни облика его.

Растворились, стинули в осеннем тумане, иссеченном дождем, белые десятиэтажные здания, и различались лишь промокшие до черноты деревянные строения вдоль горбатой улочки, затопленной жидкой грязью, по краю которой, держась за заборы, пробирались прохожие в просторных, до пят, плащах и широкополых шляпах. Проехал извозчик на мокрой кляче...

Тоска, тоска...

Закричать хотелось Егору Ивановичу, завывать, ибо словно кинжалом под сердце ударила его истина: попал! В восемнадцатый век или где-то около того попал Егор Иванович по необъяснимому стечению обстоятельств и капризу преподлейшей судьбы своей.

Стоял Пышкин на дожде, забирал промозглый воздух отчаянно разинутым ртом и ужасался. Но вот мало-помалу улеглось смятение, по-успокоился он и рассуждать начал.

«А может, — рассуждал он, — коли такая чехарда, есть у меня двойник, с кем местами мы поменялись? И может, все в обратную сторону разыгрывается?»

И дернулся Пышкин, как при ожоге, и прервал размышления, ибо другое вспомнил:

«Служба! Опоздаю ведь...»

И — побежал по коричневым лужам в направлении неизвестном, однако ведомый тем же инстинктом, что существует у перелетных птиц и загулявших котом.

Инстинкт подсказал, что унылое каменное здание, стоящее ныне там, где в будущем располагался кинотеатр, и есть департамент.

Придя на службу, Пышкин довольно любезно поприветствовал коллег, раскаянно учел пожелание начальства впредь опозданий не допу-

скасть и зарылся в бумаги. Бумаги были непривычные, длинно составленные, порой неясные по содержанию, сплошные «ять», но Егор Иванович, обладавший большим канцелярским опытом, умудрился не только выполнить норму, но и выкроить две минутки на дальнейшие размышления о себе лично.

Конечно, он кое-что знал. И об электричестве, и о радио, и о расщеплении атомного ядра, и еще о многих и многих интересных штуках. Но ничего конкретного в плане того, как эти штуки создать, Егор Иванович не ведал, а из всех уясненных научных открытий и формул вспомнилось почему-то лишь одно: от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Данный же факт был известен и здесь, так что сенсации вызвать не мог.

В пять часов вечера усталый Егор Иванович возвратился из должности домой, где супруга встретила его kloкочущим самоваром и плюшками в сахарной пудре. Егор Иванович выпил две рюмочки наливки и, разморенный, уснул. Затем поутру пошел в должность. Затем... началась будничная жизнь.

Поначалу глодало Егора Ивановича противное чувство, будто лягушка лежала у него на душе. В частности, припоминались ему разные фантастические романы, где герои находились в аналогичной с ним ситуации; они что-то там делали, совершали, переворачивали... И у Пышкина тоже порой мелькало: а что, если вдруг выкинуть что-нибудь такое-этакое?.. Но на смену этой мысли тотчас приходила другая: а время где взять?

Неоспоримо: времени не было. Его целиком съедала ответственная служба. Вечером же надо было хлопотать по дому — заставляла жена, сварливая и вредная, ничуть не лучше прежней.

Но вот однажды, в последний день своего хождения в должность (Егор Иванович собирался по старости службу оставить), вышел он на лестницу и только густо намазал ваксой порыжевшие мыски сапогов, как очутился, что вроде бы сапоги-то на нем в какие-то греческие сандалеты превратились. И носки он испачкал ваксой, чему чрезвычайно огорчился. Потом дошло: и ступеньки изменились, и стены, и он, Пышкин, как бы... в двадцатом веке опять очутился...

Он хотел броситься к жене, но она вышла на площадку сама. Та же-на, из двадцатого века. Только постаревшая. Но — та.

— Егор! — сказала она укоризненно. — Последний день работы, а опаздываешь, как всегда!

— Сейчас я, сейчас... — пробормотал Егор Иванович, справляясь с оторопью. Затем же — кинулся на службу.

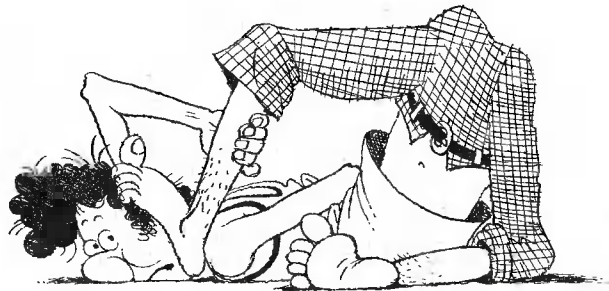
Он бежал по зеленому району, и был май, и белизна домов в синеве неба радовала глаз, и цвели вишни на газонах, но не видел этого Егор Иванович, мучимый вопросом о пенсии. Какую сумму составит она при обратном перемещении слагаемых?

«Я же так честно трудился... — с горечью думал Егор Иванович, бро-

саясь с размаху грудью на чью-то спину, запирающую вход в троллейбус. — А тот... кто тут вместо меня... вдруг — разгильдяй? Судимый, например? Или стаж прерывал? Или недобросовестно там чего?..»

Неясность холодом обдавала его замиравшее в тревоге сердце.

— Эй, впереди там, пройдите! — закричал он гневно. — Молодой человек... место надо уступать! Чему вас только в гимназиях учат!

В НОГУ С ВЕКОМ

Крутом все лечатся. От всего. А я что — хуже?

— Хатха-йога — самое модное лечение, — посоветовал сведущий приятель. — Потом — древняя медицина, приобщение к культуре Востока... Спешу, пока жив!

Приятель дал телефон крупного специалиста.

Знаток индийской гимнастики протянул руку с татуировкой «Петя» и улыбнулся загадочной восточной улыбкой.

— Обучался в Индии, — произнес безо всякой позы. — Несколько сеансов, и я гарантирую вам излечение от всех болезней. Кстати, беру я немного... — Он затянулся сигаретой «Мальборо» и стряхнул пепел в мою любимую хрустальную вазу. — Двадцать рублей за один раз.

Мы решили начать тотчас же.

Он поставил меня на голову, придерживая мои ноги, чтобы я не упал, и командовал, как при флюорографии:

— Дышите! Не дышите!

При последнем вздохе ноги перевесили, я судорожно взбрыкнул ими, лягнув учителя в глаз, и свернулся на пол.

Учитель энергично выразился и попросил сделать ему компресс.

Через полчаса упражнение повторилось. Я снова упал, но пострадал лишь сервант. Я выбил оба стекла.

Убрав осколки, приступили к дыхательным упражнениям. Я сделал вдох и две минуты сидел, выпучив глаза. Опытная рука тренера зажала нос и рот. Затем мне было любезно предоставлено право на очередной вдох, после которого вновь последовало двухминутное удушье. Я опущал глазами прохладные стекла очков и жалел, что человек не умеет дышать через уши.

При третьем упражнении мне открылось неведомое: я увидел свою спину. Это увлекательное зрелище было сопряжено с некоторыми болезненными ощущениями в области шеи. Мне показалось, что на первый раз достаточно.

— Потерпите! Еще одно упражненьице, и вы почувствуете всю прелесть древней мудрости, — сказал тренер.

Моя нога каким-то образом очутилась за головой. Я хотел закричать, но совет учителя о глубоком дыхании через нос помог мне пересилить минутную слабость. Наступило какое-то странное оцепенение... Возможно, это была нирвана.

Тренер стоял надо мной и задумчиво жевал сигарету. Постепенно я начал приходить в чувство и издал стон.

— Терпение, мой друг, терпение! — наставил учитель и вышел в коридор, посоветовав мне дышать еще глубже.

Но нога придавила лицо к полу. Нос вжался в ковер, который я давно не пылесосил. Из коридора доносился пустяковый разговор моего мучителя с какой-то киской. Разговор длился довольно долго, но вот раздался звук поцелуя в трубку, и перед моими глазами появились замшевые ботинки.

— Как вы себя чувствуете? — галантно осведомился тренер.

Я с трудом икнул в ответ.

— Согласен, — отозвался он неуверенно. — Это упражнение доставляет массу удовольствия.

— На помощь! — промылчал я и закрыл глаза.

Он сноровисто перевернул меня на спину. Теперь я смог кричать. Тренер тянул ногу вверх с такой силой, что мне казалось, будто он хочет оторвать ее себе на память. Для удобства, видимо, он уперся мне башмаком в лоб. От его подметки как-то странно пахло... Я на секунду затих, принюхиваясь. Так и есть! Ко мне он шел через садик, где обычно выгуливали собак жильцы дома! Я усилил крики.

Но нога словно приросла к шее, и все попытки были безрезультатны.

Собрался консилиум соседей. Каждый давал свой совет. Подвыпивший дядя Ваня авторитетно заявил, что в таких случаях ноги отпиливают. Это заявление чудовищным образом подействовало на мою психику!

Ногу вернули на место в больнице.

Учителя я встретил на улице через месяц.

— Здравствуйте! — опасно бросил он мне и чихнул в мохеровый шарф. — Выздоровели?

— Как будто, — с вызовом ответил я. — А вы, вижу, хвораете?

— Простуда, — скорбно ответил знаток индийской гимнастики. — Еще радикулит проклятый разыгрался... Сейчас лечусь у одного потрясающего специалиста. Травками. Крапивка в сыром виде, лопухи... Самое модное лечение! Кстати... — Он посмотрел по сторонам и, взяв меня за пуговицу, конспиративно добавил: — Могу дать телефон...

ПУГОВИЦЫ ДЕ ФАГОТА

Сема Квазин слыл в нашем отделе человеком начитанным, знающим всю мировую литературу вдоль и поперек и потому вызывающим к своей особе чувство благоговения и почтения. Сема пользовался успехом у женщин, директор его безгранично уважал, а мы, как я уже сказал, просто перед ним благоговели.

Вообще-то, если по правде, был Сема всего лишь экономистом, причем экономистом заурядным; прогулов и ляпсусов, допущенных им, не смогла бы счесть и институтская электронно-вычислительная машина, перегоревшая, кстати, по его вине, но чего не простишь образованному, интеллигентному человеку? Бывает... Зато как приятно находиться в одной комнате с такой личностью, слушать ее. Вот Сема входит в дверь.

— Дом мой — работа, радость моя — труд, смысл мой — деятельность! — заявляет он с порога и добавляет: — Слова лирического героя последней поэмы Эвелин Кобо. Потрясающая вещь! Прочел единым духом за вчерашний день и сегодняшнюю ночь! Какая экспрессия, эмоциональность, публицистичность, наконец, черт ее дер!

Конечно, о том, что Сема опоздал на два часа, все забывают и слушают его, раскрыв рты. А Сема во весь голос повествует о Кобо и о накале страстей, пронизавших поэму.

Об опоздании, вероятно, хочет высказаться начальник, но, едва он пытается произнести первое слово, Сема повелительно обрывает его:

— Евлампий Фомич! Нет, нет, подождите, не надо слов! Не надо слов, они лишь отражение суеты, как говорила мисс Бодли в романе Пьера Суинтона. Дайте сказать мне! Какие у вас пуговицы?

— Какие-какие... — бормочет Евлампий Фомич. — Круглые, разумеется...

— Я понимаю, что не квадратные, — заявляет Сема с нехорошим смешком.

Евлампий Фомич внимательно осматривает свои пуговицы. Затем Евлампий Фомич машинально берет штангенциркуль и измеряет их диаметр.

— 12 миллиметров, — говорит он с запинкой.

— 12 миллиметров! — снисходительно отзывается Сема. — При чем здесь миллиметры, когда у вас пуговицы... черные!

— Ну, — говорит Евлампий Фомич. — Черные. Черный пиджак, черные пуговицы...

— А вы читали Огюстена де Фагота? — прищуривается Сема. — Нет?! Товарищи, — оборачивается он во все стороны со смехом, — он не читал Огюстена де Фагота! Ха! Ха! Ха!

Все тоже начинают подхихикивать, хотя Огюстена де Фагота, могу поклясться, не читал никто.

— Так вот, — мрачнея, произносит Сема. — Пора знать, что современная проза в лице Фагота осуждает дурной вкус века минувшего. Черные пуговицы с черным пиджаком — это минувший век, товарищи, серость, нивелировка, боязнь контрастов, примирение противоположных начал. Контраст в характере и контраст в одежде — как бы символические средства, используемые романистом для выделения основной идеи: нет — однотонности! Это, конечно, трактовка литературных критиков группы Франсиско Виолончелли. Но я такого же мнения, Евлампий Фомич! Читайте роман «Контрасты». Правда, у нас он еще не переведен, повинна инерция. Но арабской версией с подстрочником я располагаю, так что...

В обед Евлампий Фомич уходит в магазин за белыми пуговицами, а Сема подсаживается к секретарю Аллочке.

— Вы читали стихи Бернардо Потоцкого? — спрашивает он. — О, это великолепие поэзии, ее остротенность и волшебство...

Аллочка смотрит на Сему влюбленными глазами. Сема такими же глазами смотрит на красивые Аллочкины колени, дрожащие осиновым листком.

— Вы хотите узнать о страстях, владевших поэтом? — спрашивает Сема вкрадчиво.

— Хочу... — лепечет Аллочка.

И изучение биографии и страстей поэта назначается на семь часов вечера. Встреча у входа в парк «Сокольники».

Хорошо быть начитанным!

Недавно я приболел. От имени коллектива меня пришел навестить Сема. Сема принес торт и цветы.

— Цветы — это квинтэссенция жизни! — провозгласил он уже в прихожей. — И пусть она перейдет в тебя... Так говорил великий Тургенев.

— В «Муму»? — хмуро сострил я.

— Н-да, — неопределенно отозвался посланец соболезнающих масс. — Тургенев — сила...

Только тут до меня и дошло! Я встал, взял Сему за руку и подвел к книжным полкам.

— Найди, — сказал я, — найди у Тургенева эти строки. Я хочу видеть их в типографском варианте.

— Это строки из письма к... кому-то, — не моргнув, сказал Сема.

— Тут полное собрание писем, — сказал я. — Ищи.

— Это письмо опубликовано в дополнении к полному собранию, — отбился Сема. — А дополнения у тебя нет.

— Хорошо, — сдался я. — Кто автор романа «Контрасты»?

— Антонио Билдз, — выпалил Сема.

— А де Фагот?

— Фагот — одно, Билдз — другое. Названия одинаковы. Произведения-тезки.

Но жалкие Семины увертки не помогли. Сема был разоблачен, и звезда его с ужасающей быстротой погасла.

Через месяц, получив три выговора за опоздания, он перебрался в соседний институт. В нашем же институте самым начитанным человеком отныне считаются я.

Вчера впервые опоздал на работу...

НОЧНАЯ ТРЕВОГА

Сопрыкин восстал ото сна в ночи.

Такие пробуждения случались у него исключительно в тех случаях, когда накатывала жажда, и приходилось, стелая в потемках, трудно добираться длинной коридорной стезей на кухню, где в самом низу холодильника ждал его неизменно и неиссякаемо источник в виде картонки, набитой банками с пивом.

Но в этот раз не мучила Сопрыкина жажда, равно как и иное томление физического свойства.

Смятен был дух.

Тревога одолевала Сопрыкина; смутное воспоминание о какой-то утрате — давней, затертой в памяти и вдруг, как шальной бумеранг, вернувшейся и поразившей зеваку-метателя.

Сон навевал тревогу, сон, в котором очнулась сама собою раскрепощенная память, воссоздав нечто полузабытое: какой-то немой удар, свет фар, крики людей из мглы полуночной улицы...

С трудом, но уяснил Сопрыкин суть возродившихся образов — авария! Ну да... Куда-то ехал он ночью, кажется, со Стенькиным. Два или три года назад. И куда-то они крупно въехали.

Ну и что? Стенькин жив, машина продана... Лом этот... «Семерка» вроде...

Откуда же тревога? Откуда?

Сопрыкин, подогнув под себя ноги и закутавшись в простыню, как йог, уселся на кровати, погрузившись в размышления над непонятными причинами колкого и тягостного, прицепившегося репьем чувства.

Светил в углу комнаты телевизор, который он забыл выключить, и мелькали на экране то дивы с длинными ногами, то мужественные парни, демонстрирующие искусство рукопашного боя... Безмятежно спала неподалеку женщина — блондинка, красивая.

«Одно и то же», — глядя на экран, подумал Сопрыкин с досадой и хлопнул кулаком по пульта.

Исчезло изображение рукопашного буйства. В темноту погрузились золоченые рамы, скрылись во мраке лики иконописи, померкла игра хрустали и блеск полированной мебели.

Однако не отпускала неясная тревога.

И вновь ринулся Сопрыкин в прошлое, вновь воссоздавал его в тишине воспоминаний, но воссоздал немногое: развороченный капот, веселый вскрик Стенькина: «... ну, попали, Степа! Такси надо искать!» После — бессмысленную улыбку сотрудника ГАИ, голос из ниоткуда, из ночи: «И не царапины! Недаром говорят...»

Что недаром, что!

И — вспомнил Сопрыкин! Молнией озарила мозг истина! Вот оно! Машина! Ведь кто-то из мальчигов сумел ее продать. Точно! И документ вручил на получение денег после комиссии! Тысяча там, две... где-то так, около того.

А вот получил ли? Нет, не вспомнить. Ай, не вспомнить! Жалость-то...

Сухость во рту почувствовал Сопрыкин. И, не зажигая света, отправился привычным путем, коридорные стены ощупывая неверной рукой, к холодильнику.

Чпок! — открылась в облачке углекислоты заветная, блистающая фальшивым золотом банка, и прохладой обдало страждущие губы.

И тут же снизошла на Сопрыкина безмятежность. Чувство блаженства физического очистило душу и от суеты нравственной. И ушла тревога, и смутнение ушло. В тускнеющие осколки разлетелись кривые зеркала натужных воспоминаний о машине, об аварии, о документе, по которому что-то там когда-то и полагалось...

И зло подумал Сопрыкин о всколыхнувшей его среди ночи мысли, и о сне, растревоженном ерундой, подумал он с сожалением, ибо спокойный сон без сновидений — залог здоровья, а беспокойный — всегда в урон человеку. И невосполним урон этот никакими тысячами и ни в какой валюте.

Жалкая сущность маеты открылась потревоженному ею. И отверг он ее. И уснул сном мудрого. И спал как всегда — глубоко и отдохновенно. И проснулся тоже как всегда — задолго после полудня.

НУЖЕН СПЕЦИАЛИСТ!

— Алло? Отдел кадров? Ну-ка, начальника мне... Кто говорит? Семен Аполлинарьевич? Травкин на проводе. Слушай боевой, так сказать, приказ... Срочно. Кто из наших орлов кончил химический вуз? Чего говоришь? Дела надо посмотреть? Посмотри. А? Как это — час? Никаких часов! Стоит работа, понял? Нужен специалист... Ни минуты! Чего? Ну ладно, пять минут. Трубку не вешаю... Всех, всех мобилизуй! Жду, жду... Пада-бада-ба, пада-бада-ба... Чего? Нашел? Молодец! Объявляю благодарность! Аверьянов, говоришь? Юрий Владиславович? Чего отчество такое трудное? Должен знать! Кадры — твой вопрос! Старший инженер он? Ага... А по какому номеру сидит? Два-сорок-один? Тэк-с. Он точно химик? Ага. Ну, пока.

— Алло! Аверьянова, будьте добр... Как нет? Разгар, можно сказать, рабочего дня, а его нет! Где он?! На заводе? На испытаниях? Кто направил? Я направил? Ага... А какой завод? Механический? Та-ак. Ну, будьте.

— Гараж? Гараж, говорю? Травкин... Срочно пошлите машину на завод! За инженером Аверьяновым. Как — нет машины? Почему нет машины? Безобразие какое... Безответственность! Что значит, все на линии? Объявляю вам... Что? Автобус? Автобус не трогайте. Хотя, впрочем... Черт, голова разваливается от вашей неорганизованности! Ладно, гоните автобус! Через десять минут, чтоб... Никаких трех часов! Мне нужен специалист! Да, да, да! Все!

— Аверьянов? Юрий В... В... Садись, Аверьянов. Химик, значит? Тэк-с. Ты чего неровно дышишь? Что? Автобус сломался? Бежал? Бывает, Аверьянов. У всех муки, у всех одышка. У меня — химическая про-

блема. Помогай, Аверьянов. У меня, понимаешь, пресс-папье раскололось. Каким его клеем склеивать, а? Эпоксидным? Так и думал! Склеишь? Ну, спасибо, Аверьянов. А то нынче такие орехи пошли, их паровым молотом не размолотишь!

ЗАБЫТЫЙ НОМЕР

Утятин вернулся с работы рано. Жены еще не было. До ее прихода, по идее, оставался час. Следовательно, час оставался и до ужина. Просмотрев телепрограмму, Утятин убедился, что час также оставался до начала первой серии детективного фильма.

Как скоротать этот час, Утятин между тем не знал. Взяв лежащую возле телефона записную книжку, он раскрыл ее, и тотчас в глаза ему бросилась фамилия: Огуреев.

Утятин задумался. Петр Петрович Огуреев числился в разряде его близких друзей, тех, с кем он был знаком еще со школьной скамьи. Позднее они учились в техникуме, затем долгое время работали в одном и том же жэке... Год назад Петр Петрович переменял место службы и с тех пор как в воду канул. Не звонил, не посылал поздравительных открыток, словом, исчез человек, и все. Утятин и раньше задумывался над этой внезапной пропажей приятеля, но как-то мельком, вскользь, ибо для основательных раздумий по этому поводу не было у Утятина времени. Но тут Утятин, что называется, достало. И пришел он к решению: позвонить!

- Да? — раздался в трубке знакомый голос Петра Петровича.
- Огурец? — спросил Утятин радостно. — Эй, Огурец, ты, что ль?
- Я, — недоуменно ответила трубка.
- А это — Утятин, Утятин это!..

— Здравствуй, Утятин, — пасмурно сказала трубка.

— А я узнать, как живешь, почему не звонишь, куда пропал, — продолжал Утятин с душевным подъемом.

— Почему не звоню? — переспросил Петр Петрович сухо. — И как у тебя, Утятин, совести хватает на такие вопросы?

— Да ты чего? — обомлел Утятин. — Эй, Огурец, это ж я...

— В том и дело, что ты, — прозвучало в трубке.

— Да в чем, в чем дело-то?!

— А в том, что подлец ты, Утятин, — сказал Петр Петрович, и в голосе его прозвучал гнев. — Как, получил новую квартиру?

— Получил, — сказал Утятин растерянно.

— А как ты ее получил, не помнишь?

— Как... Как сотрудник жэка... Написал заявление...

— Но сначала ты написал анонимку! — сказал Петр Петрович. — На меня! На того, кто был в очереди перед тобой! И я видел твою бумажку! А почерк твой... он мне еще со школы знаком, ни с каким не спутаю... как индюк лапой.

— Ошибка какая-то... — сказал Утятин, вспотев от стыда.

— Эх, Утятин, — сказал Петр Петрович с горечью. — Даже сейчас лжешь... Ну, уж коли позвонил мне, так слушай до конца. Благодаря твоей клеузе от меня ушла жена. Полгода я лежал в больнице с нервным расстройством... И если бы не наша прежняя дружба, я бы тебя вывел на чистую воду! Но это был удар от друга, понимаешь? И я промолчал. Я думал... Хотя что с тобой говорить, Утятин! Прощай! — И Петр Петрович положил трубку.

Некоторое время Утятин сидел как оглушенный. Затем выключил свет, лег на кушетку и погрузился в раздумье. О многом думал Утятин, лежа в темноте. И об этой своей раскрытой подлости, и о многих нераскрытых, и о том, как он опустился, и сколько хороших людей отвернулись от него из-за его жадности, нечестности... Раскаяние и стыд терзали грешную душу Утятина.

Вскоре дверь в квартиру открылась, и, пыхтя под тяжестью сумок, вошла жена.

— Дрыхнешь? — спросила она беспечно. — Вставай, ужином тебя кормить буду.

— Маша, — произнес Утятин дрогнувшим голосом и спустил ноги с кушетки, — я — негодяй, Маша!

— Чего? — не поняла супруга.

— Я — негодяй, — повторил Утятин страстно. — Я оклеветал Огурца, получил вне очереди квартиру, от него ушла жена, нервное расстройство, больница... Я с ним только что говорил!

— Оклеветал! — передразнила Утятин супруга, мгновенно уяснив смысл бессвязной речи мужа. — А как он тебя на собрании прорабатывал, забыл? За то, что бачок со склада взял?

— Так он же из принципиальности, — сказал Утятин убито.

— И ты из принципиальности! — твердо произнесла супруга.
— Но ведь жена ушла, — настаивал Утятин. — И вообще... расстройство центральной нервной системы...

— Жена ушла! — воскликнула супруга. — Да кто с таким проживет, скажи на милость! К каждой бочке затычка! А насчет нервного расстройства — врёт! Такой бегемот — и расстройство у него, глядите-ка!

«А может, и вправду соврал?» — повеселел Утятин.

— Расстройство у него! — негодовала супруга, размазывая шипящее масло по сковороде. — Ну трепло, ну жук! Все у него виноваты! А я так скажу: не умеешь жить — не живи!

«А она умная женщина», — прокатилось у Утятина в голове, и он с уважением посмотрел на жену.

— Так и не живи! — повторила она с чувством.

«Фильм! — полыхнула у Утятина мысль. — Начался!»

Он вбежал в комнату и включил телевизор.

По экрану плыли титры.

Пока они плыли, Утятин выдернул из записной книжки листок со злосчастным телефоном, повел носом в сторону кухни, откуда доносились кулинарные ароматы и невнятное бормотание жены, и поглубже уселся в мягкое кресло.

«Ух, Огурец! — подумал он. — Соврал... Расстройство... хе-хе... Сам дурак! А ну его к черту!»

НИ ВИНТИКА!

Григорий Хрюкин, по кличке Патиссон, отбывший очередной срок в ландшафтах с не загрязненным выхлопными газами воздухом, явно скучал. Бездействие тяготило его.

Перекинув потрепанное жизненными бурями тело через забор, Патиссон очутился на территории незнакомого автокомбината. Будучи человеком любознательным, он решил приобщиться к здешнему коллективу. А потому, насистывая лирическую песню «Ах, Клава, Клава, Клава, какая ты отравал», пошел в ближайший цех.

В цехе начиналось собрание.

Запахнувшись в телогрейку и присев в уголке, Хрюкин стал слушать выступающего начальника.

— Товарищи! — сказал начальник. — В нашем коллективе появилось болезненное явление. Это явление — слесарь Токарев. Вчера он хотел унести с родного автокомбината бутылку краски. Бдительный вахтер задержал расхитителя. Встаньте, Токарев! Чем вы объясните этот возмутительный поступок?

Расхититель молчал, сосредоточенно разглядывая свои ботинки.

Не дождавшись ответа, начальник продолжил:

— Преступность вашего намерения очевидна. Коллектив накажет вас! Мы не позволим вынести с территории комбината ни винтика! Об этом уже говорилось на прошлом собрании, когда карбюраторщик Забегайло был задержан в проходной при попытке вынести цепочку от туалетного бачка. Товарищи! Скажем «нет» расхитителям государственного имущества!

Хрюкину стало скучно до безысходности. Он вышел из помещения на двор. Осмотрелся. Двор пустовал. Взгляд его задержался на голубой «Волге», стоявшей под конвоем двух самосвалов.

По фарам машины скользнул солнечный луч, и Хрюкину показалось, что «Волга» интимно подмигнула ему.

В коротко подстриженную голову Патиссона ужом вползла мысль. Он подтащил ящик с заряжавшими болванками и сунул его в багажник. Мотор бодро затарахтел, и автомобиль подкатил к проходной.

— Отец! — сказал Хрюкин подбежавшему вахтеру. — Старые болванки везу. Для личных нужд. Пропусти, будь другом! — добавил он конспиративно. И открыл багажник.

— Госимущество! — всплеснул руками вахтер. — Ни в коем разе!

— Какое имущество? Металлолом! — возразил Патиссон.

— Не пропущу! Винтика не дам вынести!

— Папаша, что ты пипишь, как сало на сковородке? Не мни лицо!

— Выгружай, говорю!

Ящик пришлось выгрузить.

— Железок пожалел... — укорял стража Хрюкин.

— Я те покажу железки! — грозился вспотевший от дискуссии вахтер, открывая ворота.

...Голубая «Волга» ехала, соблюдая все правила уличного движения. «А мог бы и самосвал угнать», — думал Хрюкин. — Но кому его продашь?»

И от этой мысли Патиссон слегка расстроился.

ПРИМЕТА

Молодые супруги Одуванчиковы завтракали. Оба пребывали в чудесном настроении.

Стояла прекрасная солнечная погода, впереди был воскресный день, лыжная прогулка, хвойный лес...

Одуванчиков-муж, человек неловкий, потянувшись за хлебом, задел локтем солонку.

— Ах! — воскликнула Одуванчикова-жена, глядя на кучку просыпавшейся соли. — Ты соль просыпал!

— Ну, просыпал, — согласился Одуванчиков-муж. — Невелика беда, сейчас уберу.

— Эх, — вздохнула супруга, — что толку оттого, что уберешь. Примета-то плохая. Раз просыпана соль, мы обязательно поссоримся!

— Не говори глупостей! — сказал Одуванчиков. — Какая ерунда!

— А я и не говорю глупостей... — обиделась супруга.

— Нет, говоришь!

— Это ты глупости говоришь... Каждый день. Грубиян!

— Это кто еще грубиян?

— Моя мама мне всегда говорила, что в тебе нет ни капли такта!

— Так и езжай к своей маме.

— И поеду!

— И езжай!

— И поеду!

— И скатертью дорога!

В этот день супруги Одуванчиковы не пошли на лыжах в прекрасный зимний лес.

СОДЕРЖАНИЕ

Из жизни делового человека Игоря Егорова	2
Задачи высшей сложности	28
От перемены мест	31
В ногу с веком	34
Пуговицы де Фагота	36
Ночная тревога	39
Нужен специалист!	41
Забывтый номер	42
Ни винтика!	44
Примета	46

Андрей Алексеевич МОЛЧАНОВ

НОЧНАЯ ТРЕВОГА

Редактор А. И. Ходанов

Техн. редактор Л. И. Курлыкова

Сдано в набор 14.12.87. Подписано к печати 27.01.88.
А 01337. Формат 70 × 108 1/8. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Гaramond». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Учетно-изд. л. 3,16. Усл. кр.-отт. 2,45. Тираж 75000.
Заказ № 1775. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС
«Правда». Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Родился автор в ноябре 1953 года — под знаком Стрельца, в Год змеи, что, очевидно, обязало его как сатирика стрелять метко и жалить больно. Мишени, однако, поразить нелегко: они маневренны и хорошо защищены — как физически, так и морально, в чем читатель, прочтя эту книгу, наверное, убедился.

Немало помог писателю закалить свое перо Литературный институт. Отточить же его помогает работа. Непременно каждодневная, как он считает, ибо от бездействия перо тупится.

Андрей Молчанов — автор нескольких романов и повестей. Новая его книга готовится сейчас к изданию в «Советском писателе».